

Валентина Просекина

Без глянца

Без глянца

Юбилейные размышления
режиссера любительского театра

ДИАЛОГ

Народный театр-клуб-студия
Иркутского областного Дома народного творчества

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Летят журавли <i>О создании театра, поисках крыши и выборе между синицей в руках и журавлём в небе...</i>	5
Глава 2. По обе стороны занавеса <i>Чем отличается сегодняшний зритель от того, что был четверть века назад, а также о чём льёт слёзы режиссёр, когда его никто не видит...</i>	11
Глава 3. Спектакли, ставшие судьбой <i>О спектаклях-сваях, на которых держится наш дом – «Диалог»</i>	22
Глава 4. О времени и о себе <i>О герое нашего времени на сцене «Диалога» и нашей дружбе с драматургом Георгием Полонским</i>	37
Глава 5. Роскошь общения <i>О встречах в нашем театральном клубе, о человеческом общении, которое, по мнению Антуана де Сент-Экзюпери, является роскошью. И почему мы не всегда хотим жить роскошно</i>	43
Глава 6. Александр Вампилов <i>Кто, как и когда выдаёт разрешение на прикосновение к «бесценным страницам»</i>	47
Глава 7. Груба зовет! <i>О том, что «словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести!» И даже уберечь нашу природу от тех, кто на ней обогащается</i>	49
Глава 8. Суперпрофессия <i>Всегда ли мы своими спектаклями «сеем разумное, доброе, вечное», и о многом другом</i>	53
Глава 9. Под алыми парусами <i>О том, поверит ли современная прагматичная молодёжь в «Алые паруса», а также о молодёжных театральных фестивалях при Академическом драматическом театре им Н.П. Охлопкова</i>	57
Глава 10. Три страницы про любовь <i>О том, что в «Диалоге» параллельно с творческим процессом идет процесс «параобразования» и как он влияет на творческую жизнь нашего театра</i>	59
Глава 11. Зачем живем, зачем страдаем? <i>О том, как влияет мужская профессия режиссёра на тонкую душу женщин, пожелавших стоять у руля театрального корабля</i>	64
Глава 12. Новый поворот! Что он нам несет? <i>О проблемах – творческих и финансовых</i>	68
Глава 13. Тринадцатая <i>Глава под таким номером не может быть без горечи и грусти, но автор не теряет надежды на лучшее и видит свет в конце тоннеля</i>	72
Глава 14. Заключительная <i>Автор выражает надежду, что изложенные главы будут интересны коллегам, участникам любительских театров, помогут им увидеть себя со стороны, натолкнут на новые идеи</i>	76

МОИМ КОЛЛЕГАМ, УЧЕНИКАМ, ЗРИТЕЛЯМ...

Когда листаю глянцевые страницы юбилейного буклета (не все ли равно, какого театра или иного творческого коллектива), то просто умиляюсь тому, как все было прекрасно, необыкновенно, возвышенно. Так замечательно, что через некоторое время становится скучно читать, потому что знаю – так не бывает. Так хорошо говорят только на поминках.

А поминки справляют по ушедшему в мир иной.

А мы-то здесь, на этой земле, и даже в этом городе – мы существуем, живем, поэтому и хочется сегодня говорить о том, что наболело, и о том, что не случилось. Хочется поразмышлять, что это за дорога, которую я и многие диалоговцы назвали дорогой своей судьбы. А те, кто прошел по ней совсем немного – тропинкой поиска смысла жизни.

Кого и куда приведет эта дорога-тропинка? Что повстречается на пути каждого из нас? Как получается, что иногда мы теряем эту дорогу и как корабль, без руля и ветрил, блуждаем в надежде вернуться на неё вновь.

Идея написать о возникновении, становлении и жизни театра-клуба-студии «Диалог» возникла давно. Но я не ставила перед собой цели менторского изложения событий, такого учебно-методического пособия для идущих за мною вслед. Попросту было жаль тех крупиц опыта, которые мне дались нелегко. Поэтому я смею надеяться, что эти записи могут быть полезны моим коллегам, молодым режиссёрам и просто читателям и зрителям – любителям театра и любительского театра в частности.

Итак, юбилейные размышления.

Без глянца...

ГЛАВА 1. ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

Автор вспоминает события, подвигнувшие его на создание театра, а также о горьких скитаниях в поисках крыши, и о том, что лучше – синица в руках или журавль в небе?

Более тридцати лет назад я пришла в наш драматический театр им. Н.П. Охлопкова, а там, не помню уже по какому случаю, Народный театр Дворца нефтехимиков города Ангарска давал спектакль по пьесе Виктора Розова «Вечно живые». Это та самая пьеса, по которой поставлен знаменитый фильм «Летят журавли». Тогда театр еще не назывался «Чудаком», но его руководителем и постановщиком этого спектакля был Леонид Владимирович Беспрозванный, которого сейчас можно назвать патриархом любительского театрального движения в Иркутской области, хотя таковым он еще тогда не считался.

О! Каким беспредельным по красоте, чистоте, искренности, художественному решению показался мне этот спектакль, а участники его – небожителями: красивыми, талантливыми, сильными, счастливыми! А я тогда только что начала работать в культурно-просветительном училище: вела там актерское мастерство и режиссуру. И вдруг после этого спектакля все то, что я могла делать там с тем составом учащихся, показалось мне жалким, никому не нужным.

А еще раньше в далеком Плесецке, что в Архангельской области, да, именно там, где, как сравнительно недавно узнал весь мир, находится крупнейший космодром, но не об этом речь, я совсем юной пришла работать в Народный театр, и его участники предложили мне поставить именно эту пьесу Розова. Я взялась. Промучившись несколько месяцев, влюбившись в пьесу, выучив ее наизусть, я так и не смогла ничего сделать. Почему? Да по многим причинам. Пьеса не из легких, отсутствие жизненного и профессионального опыта, неумение работать с коллективом.

Да ну их, этих журавлей в небе! Синица в руках надежнее! Буду спокойно работать в училище: стабильная группа и зарплата, недалеко от дома, вечером могу находиться с семьей. Красота! Вот так и жила, лелея синицу, любуясь ею, пока случайно в тот вечер не забрела в театр. И все. Жить без журавля в небе стало просто невозможно. Создать свой театр? Но это значит уйти из училища, выпустить из рук синицу?

Так оно и получилось. Через год после того, как родился «Диалог», мы уходим из училища в клуб железнодорожников. Кстати, родился он в Иерусалимском храме, вернее, в его здании – там занималось театральное отделение училища. И так совпало, что родились мы в большой праздник – в день Благовещения, 7 апреля, но тогда мы этого тоже не знали. Только потом, через много лет, мы осмыслили эти замечательные совпадения.

В клубе железнодорожников мы не можем вписаться в отлаженное унылое расписание кружков – по два часа два раза в неделю. Нам надо было заниматься гораздо больше, играть целые спектакли, а не «сценки», куда-то складывать реквизит и декорации. И вот однажды – закрытая дверь, все наше на улице, под снегом. Поехали в общежитие железнодорожного института – и там не сложилось.

Дом культуры завода имени В. Куйбышева. Здание, построенное в середине 20-х годов прошлого века в стиле кубизма по проекту, который должен олицетворять полнейшую заботу правительства о пролетариате: здесь можно заниматься творчеством и спор-

том, проводить разного рода собрания, концерты, праздники, здесь же фабрика-кухня, детский сад. Кстати, проект этого здания получил Гран-при на Международной выставке в Париже, по-моему, где-то в самом начале тридцатых. Но к 1984 году это уникальное архитектурное сооружение погибало, а помещение фабрики-кухни было вообще брошено. Вот тут-то мы и поселились, очистив его, по меньшей мере, от тонны мусора, нескольких неподъемных кухонных плит, обив ветошной тканью стены, так как о нормальном ремонте не было и речи – здание аварийное.

Там мы прожили восемь лет, поставили много спектаклей, принимали гостей, и, кстати, всем гостям наше помещение очень нравилось. А мы, конечно, ощущали временность нашего положения. Каждый год жили как последний. Может быть, поэтому чаще поднимали глаза к небу, не замыкались на мелких обидах, не теряли из виду журавля. Там случились такие спектакли как «Чудеса в ожидании лета», «Хабаров», «Маленький принц», «Физики», «Глоток чистой воды» и многое другое.

Начало 90-х. Грянули перемены. Здание ДК берется отреставрировать коммерческая кампания «Эра», чтобы потом на 20 лет взять его под свои нужды, а после возвратить заводу им. Куйбышева, который тогда еще хотел существовать. Но было ясно, что с чьего-то согласия идет грабеж. Так оно и вышло – здание уже не раз горело, его перedelывали, теперь его уже нельзя назвать памятником архитектуры. Еще раньше перестал существовать Дом культуры им. Куйбышева. Кстати, здание Дома культуры железнодорожников тоже сгорело. Великое множество коллективов в то время погибло. Вот и мы отыграли свой последний спектакль.

Из дневника «Диалога»:

«... снова состоялся праздник души, светлый, радостный и горький одновременно. Мы играли спектакль на этой нашей старой площадке в последний раз в жизни. Последний раз старенькие стены, обтянутые мешковиной, стали свидетелями бессмертной любви, победившей пустоту, мрак и грязь человеческого бытия. В последний раз здесь загорелась та самая звезда, чистоту которой мы во что бы то ни стало должны сбегать. И зависит это от каждого, в чем, безусловно, права Валентина Семеновна.

Итак, мы навсегда прощаемся с ДК завода им. Куйбышева. Пока это не укладывается в голове. Но увы, уже не будет никаких отсрочек. Коммерческая фирма «Эра», закупившая это здание, наводит здесь свои порядки, перестраивает помещение для чего-нибудь типа казино или бара. Все это похоже на осквернение храма. На золоченый купол, сброшенный с церкви.

И вот финал спектакля. Аплодисменты, аплодисменты. И лишь когда они оборвались тишиной, Валентина Семеновна, выйдя к нам, положила на сцену цветы, прощаясь и благодаря это святое для нас место. И заплакала»

Анна Иоффе, 25.03.1992 г.

Горько читать эти строки, но как красиво(!): аплодисменты, слезы, Шекспир, цветы. Прямо-таки высокая трагедия. Но так, наверное, и должно быть – красиво здесь жили, красиво и уходим. Но завтра надо опять со всем своим скарбом двигаться дальше. А куда? Тогда у нас была возможность навсегда уйти из статуса «любительский театр» – так тогда сделали многие в стране, и у нас в городе стал муниципальным любительский театр, руководимый В.И. Дрожжиным. Ныне – Иркутский городской театр народной дра-

мы. Это многое дало коллективам: оплачиваемые работники, оформление спектаклей из государственного бюджета, поддержка и ремонт помещения театра.

Часто я задаю себе вопрос, а правильно ли мы поступили, не использовав этот шанс, который дается только один раз в жизни и то далеко не всем? Редчайший шанс, возникший вследствие глобальных перемен в стране, когда рушилась старая система, а вместе с ней Дворцы и Дома культуры и все то, что их наполняло.

Шанс мы этот не использовали, а пришли в Областной центр народного творчества и досуга. Кстати, в то трудное время, когда все горело, разворовывалось, многие коллективы погибали, Центр делал немало, чтобы спасти их. Не только театры, но и хоры, танцевальные ансамбли, народные оркестры. Мы стали театром Центра. Но помещения-то у ОЦНТиД нет. Нашли мы его в Иркутском энергостроительном техникуме.

Между Центром и техникумом был составлен договор о творческом сотрудничестве на 15 лет, согласно которому техникум предоставляет помещение для занятий и спектаклей, а театр «Диалог» помогает в проведении различных мероприятий в нем. Кроме того, Центр делает реконструкцию актового зала под театральный.

Вот статья из «Учительской газеты» за 1 ноября 1994 года, написанная М. Камкиной и Т. Пруцковой: «...Стоит ли столько времени уделять вопросам эстетики и развитию творческих способностей в техническом учебном заведении? – спросит скептик... Физика и лирика не противоположны, они вполне уместятся не только в одном учебном заведении, но и в одной голове, и даже дополняют друг друга. Мы делаем ставку на всесторонне развитого специалиста будущего, своего рода техническую элиту возрождающейся России».

Вот так начался новый этап в жизни «Диалога», который длится уже более двадцати лет. В нем было много хорошего, прежде всего спектакли «Медовый месяц Золушки», все спектакли по А. Вампилову, «Чайка», «Алые паруса»...

Стало ли работать легче? Нет, труднее. Времени на работу с коллективом стало меньше в два раза по сравнению с «дореволюционным» советским временем. Тогда у нас, режиссеров, была довольно приличная зарплата, и можно было более нигде не работать, как только в своем коллективе. Я так и делала. Сейчас на ту ставку, что я получаю за «Диалог», не проживешь. Значит, надо брать дополнительную работу. Кроме того, согласно договору необходимо помогать Энергоколледжу во многих его мероприятиях. Парадокс – чтобы много работать в «Диалоге», надо много работать везде, но когда же тогда много работать в «Диалоге»?

Зато появилась стабильность. Время потекло незаметно. Вот еще пять лет пролетело: репетиции, спектакли, мероприятия, очередной День энергетика, очередное «...летие» театра... Вот она синичка-то в руках и пригелась. Круг очерчен, а там, только шагни за него, поворот на финишную прямую.

Но что-то здесь опять не так. А опыт, что накоплен годами путем «проб и ошибок», а идеи и желание работать? Может, успеть еще чего-нибудь? Я имею в виду не только постановку спектаклей – это всегда со мной. Не помечтать ли? Нет, это слово мне не подходит. Мечтать можно в молодые годы, когда кажется, что впереди вечность, а сейчас надо планировать. А планировать нужно на конкретной материально осязаемой основе. Этой основы тоже нет. Значит, и планировать нельзя. Но сказать-то можно? Вдруг кому-то

слова мои покажутся интересными, тем, кому идей не хватает, а конкретная материально осязаемая основа имеется? Попробуем:

1. Собирается горстка энтузиастов – опытных профессионалов. Это один из самых трудных пунктов, но кадры по-прежнему много значат.

2. Они разрабатывают проект, согласно которому будет создан Дом театра (назовем его пока так), где будут заниматься театральным делом и стар, и млад, и мастеровитый профессионал, и начинающий любитель. Здесь можно будет делать все: ставить глубокие психологические спектакли и проводить грандиозные театральные уличные представления, изучая при этом народную театральную культуру. Здесь можно будет посмотреть всем классом программное литературное произведение так же, как и авангардное из раздела молодой драматургии.

Здесь будут спектакли, рекомендованные и поставленные специально для семейного просмотра, также литературные встречи, открытие новых имен, воспитание театрального зрителя. Эта программа будет направлена на воспитание души через театральное искусство как путем непосредственного участия в создании спектаклей, так и в воспитании зрителя. Чтобы театр, литература, музыка и другие виды искусства занимали в шкале ценностей молодого человека – гражданина России одно из первых мест.

Что-то подобное в далекие времена кое-где в нашей стране существовало. Но, как говорится, что имеем – не храним. Ведь аналогов того, что у нас было в сфере любительского театрального творчества, в целом мире не сыщешь. Мне не раз приходилось видеть студенческие и школьные спектакли, привезенные из-за рубежа, да и коллеги, побывавшие на международных фестивалях, свидетельствуют о том, что так, как работают наши любительские коллективы, там не работает никто.

Оно и понятно. Где еще существовало столько институтов культуры, в которых по полной программе шло обучение режиссеров для любительских коллективов? При наличии хороших Домов и Дворцов культуры это не могло не дать плоды. У нас в области тоже немало замечательных коллективов, но почти всем руководителям к пятидесяти и выше, то есть они пришли еще в «то» время. А придут ли новые, молодые? И не потому, что нет талантливых и желающих работать. Они есть, но нет условий, нет необходимого внимания государства.

Уходит в никуда целый пласт отечественной культуры, такой, какая только была возможна в нашей стране. Да, слишком далеко улетел журавлик. Как достать? Как заманить?

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...

Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!

И разбудят меня, позовут журавлиные крики

Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Н. Рубцов

1987 год. Мы на крыльце тогда еще существовавшего Дома культуры им. В. Куйбышева после репетиции.

1985 год. Виктор Астафьев «Прости меня» Сцена из спектакля: Евгений Резиков, Сергей Саурский, Сергей Чернов, Родион Хайрутдинов.

2007 год. Директор Областного центра народного творчества и досуга
Л. Г. Ваховская на вечере, посвященном 25-летию «Диалога»

2007 год. В. С. Пресекина на праздничной встрече, посвященной
25-летию «Диалога»

1986 год. Эдвард Радзинский
«Беседы с Сократом». Сцена
из спектакля: Алена Павловец,
Виктор Верхозин.

ГЛАВА 2. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗАНАВЕСА

Автор размышляет о том, чем отличается сегодняшний зритель от зрителя, который был четверть века назад.
А также – в каждом явлении (и в театре тоже) есть свои темные и светлые стороны, или о чем льет слезы режиссер, когда его никто не видит...

1. Зрители

Театр не может существовать без зрителя – это аксиома. А поскольку мы назвали сразу же «Диалогом», для нас общение со зрительным залом наиболее важно. Мы обязательно встречаем нашего зрителя, стараемся уже перед началом спектакля создать ту самую атмосферу, которая необходима для его восприятия. Мы не можем жить без обратной связи с ним. Анатолий Эфрос в одной из книг пишет о своих мучениях после премьерных спектаклей, которые состоят в том, что он просто заболевает из-за того, что молчит телефон, что никто (скорее всего из тактичности) не звонит, не хвалит и не ругает, щадит его отдых после трудной работы, наивно полагая, что после премьеры можно заснуть.

Так вот, чтобы так не мучиться, мы хотели услышать мнение зрителя сразу, немедленно после спектакля. Так было в первые два-три года после появления «Диалога». Потом мы поняли, что не все спектакли можно и нужно обсуждать. Иногда увиденное настолько эмоционально наполняет душу, что зритель уходит с этим чувством домой и только потом, через некоторое время, начинает что-то анализировать. Так случилось с «Маленьким принцем», «Снохождением», «Прости меня», «Чайкой», «Зойкиной квартирой», «Алыми парусами».

Но, тем не менее, после других спектаклей, таких как «Дом на песке», «До третьих петухов», «Доверчивый Матушкин», «Чудеса в ожидании лета», «Физики», «Глоток чистой воды», «Суперстена», «Необыкновенная обыкновенная история» обычно происходили очень интересные беседы со зрителями, подчас переходившие в горячие споры «за жизнь». Еще бы! В центре – человек, чаще всего молодой. Перед ним, как правило, три дороги. Помните, как в наших народных сказках: «направо пойдешь..., налево..., прямо...». Вот стоит этот человек и думает, на какую же из этих дорог ступить, чтобы жить по совести и чести, да еще благополучно, счастливо, в любви? Есть ли такая дорога? Как, получив одно, не потерять другого, более ценного? А что особенно ценно в жизни человека?

И, вообще, зачем живет человек? Много умных книг про это написано, но каждый год приходят в театр люди – одни смотреть, другие играть. Приходят в надежде, а вдруг здесь помогут ответить на эти вечные вопросы: как жить? как любить? как сохранить душу в самых трудных ситуациях?

Ну, уж если без глянца, то еще о зрителях несколько слов.

Какой он, сегодняшний зритель, воспитавшийся в новое время, пусть еще не капиталистическое, но время рыночных отношений? Зритель, вкусивший всю полноту бесстыдства некоторых телевизионных передач, зритель компьютеризированный, имеющий возможность почти каждый вечер плутать во всемирной паутине; богатый зритель, способный отдать три и пять тысяч рублей за билет в театр, и зритель, который не может себе позволить на это выделить из семейного бюджета очень скромную сумму.

Вот я говорю – зритель, но это ещё не зритель, это наша реальность, в которой существуют театры. Это те люди, которых мы только хотели бы сделать зрителями. Более того, зритель одного театра несколько отличается от зрителя другого театра. Не берусь говорить о них всех, настоящих и потенциальных, а возвращусь к нашему маленькому театру.

Уже тридцать лет разделяет нас от первого спектакля «Страсти по Варваре», от нашего первого зрителя. Допустим, мы сегодня взяли да и вновь поставили эту пьесу, или другие спектакли 25-летней давности, такие как «Прости меня», «Дом на песке», «Чудеса в ожидании лета». И что? Сегодняшнего молодого человека, которому от пятнадцати до двадцати лет, это не заинтересует? Да нет, он будет смотреть эти спектакли. Конечно, если брать тот материал, то нужно несколько изменить подачу, форму, но вечные вопросы, которые задавали себе герои двадцать пять лет назад, будут очень интересны и сегодняшнему поколению.

Проведем другой эксперимент. В воображении все можно. Покажем последние работы тем молодым людям, которые приходили на наши первые спектакли. Пойдут ли они на «Алые паруса», на «Обыкновенную необыкновенную историю», на «Снохождения» (в этом спектакле затрагивается тема горячих точек, но ведь и тогда уже был Афганистан). Без сомнения – да, пойдут!

Что же получается? Жизнь изменилась, житель страны Россия стал другим, нежели житель страны СССР, а в театре ничего не меняется? Что-то опять здесь не так. Ну, начнем с того, что зритель того далекого времени был хорошим зрителем. Он был воспитан на прекрасных, как теперь принято говорить, «элитарных» фильмах советского времени, ценил книгу и пел наивные и мудрые бардовские песни. Тот зритель старался попасть на спектакль – это ему было жизненно необходимо, так как он испытывал дефицит информации о происходящих событиях, когда о многом нельзя было говорить открыто.

Сейчас основная часть зрителей нашего театра (а это старшеклассники и студенты вузов) – публика малочитающая. Но как тогда, так и сейчас к нам приходят люди за тем, чтобы вновь и вновь увидеть себя со стороны, чтобы разобраться в вечных проблемах, душевном смятении, любви и ненависти, предательстве и дружбе.

Я даже осмелюсь сказать, что эта молодая публика более консервативна, чем театр в целом. Подчас придешь туда и видишь не спектакль, а какой-то ребус, который надо разгадать. Новые формы, новое содержание, новые подтексты, новые слова. Потом читаешь в газетах, что это было гениально, смиряешься с мыслью, что не все гениальное тебе дано постичь. Это мне не дано, имеющей опыт просмотра не одной сотни спектаклей, а что делать нашему бедному зрителю, который после того, как в далеком детстве посмотрел в ТЮЗе «Колобка» и «Дюймовочку», напрочь забыл, что такое театр?

Или бывает другая крайность. В заботе о полных зрительных залах театры начинают активно откликаться на злобу дня. А злоба известно в чем: наркомания, проституция, криминализация общества. Театр берет на себя функцию чисто воспитательную. Но что-то зрителю это неинтересно. А почему? Да потому что ни наркоманы, ни проститутки, ни убийцы, ни воры в театр не ходят. Может быть, в колониях подобные темы имели бы успех. Хотя, все зависит от пьесы. Смотря как написать ее. Сотворил же Лев Толстой «Власть тьмы», а Михаил Булгаков «Зойкину квартиру», да и у Бернарда Шоу с Вильямом Шекспиром на эти темы тоже пьесы имеются.

Так какой же он, наш сегодняшний зритель? Он такой же, что и 30 лет назад. Просто менее образован в гуманитарном отношении. Менее информирован. Театр как искусство в шкале его ценностей стоит на одном из последних мест, если стоит. И сейчас как никогда нужна разъяснительно-информационная работа в школах, вузах, колледжах. Театральный спектакль – это произведение искусства, его надо научиться понимать, смотреть, зная некоторые законы его создания. Когда публика неподготовленная, она может разрушить атмосферу спектакля невниманием, не услышать обыкновенное человеческое слово, не понять метафоричности мизансцены.

Надо идти, надо разъяснять. Но когда? Как? Кому идти? Наш театр «Диалог» имеет звание «Народный». По своей сути, репертуару, составу участников он этому соответствует. Но ни копейки на оформление спектакля. На это, а также оплату гардеробщицы и другие нужды театра, надо заработать. Режиссер – он же руководитель театра, педагог в студии, автор оформления, администратор, распространитель билетов и т.д. Но, тем не менее, зрители приходят к нам, пишут интересные отзывы, некоторых из них мы знаем не один десяток лет, а некоторые впервые, придя к нам, узнают, что есть такая страна, которая называется Театр.

Зрители о «Диалоге»

(конечно, это малая часть того, что было нам посвящено)

«Мой дорогой и горячо любимый «Диалог»! В который раз пересматриваю твои спектакли, и в который раз ты радуешь меня своей чистотой и искренностью, добротой и нежностью, которые ты даешь зрителю. В который раз ты оправдываешь свое название. В атмосфере этого уютного зала вновь и вновь происходит диалог души и чувств, умов и сердец, зрителя и актера.

Так получилось, что «Диалог» был первым театром в моей жизни, и сколько бы мне не приходилось после этого бывать в театрах Иркутска и других городов, ты всегда оставался для меня моей первой любовью, моим дорогим «Диалогом». Тебя нельзя не любить!»

Ваш зритель и почитатель Сергей Филлипенко, 16.01.1999 г.

«Здравствуй, «Диалог»! - самое чистое и прекрасное место в стране и душе! Спасибо за радость, за разбуженные чувства и мысли. До следующей встречи!»

(без подписи)

«Спасибо большое! Вы создали атмосферу и позволили забыть обо всем, кроме спектакля»

(без подписи)

«Спектакль о жизни, обо мне, о чуде, о душе. Я проплакала весь спектакль, начиная с комнаты Орлова...»

Лена

«Здорово и замечательно. В некоторых сценах я увидела свою жизнь и многое поняла. Вы помогли мне»

(без подписи)

«Класс! Потряс! Супер! Здорово! Вы достойны большой сцены! Сцены театра им. Охлопкова! У меня дух от радости перехватывает: слов не хватает, чтобы выразить, что я чувствую»

(без подписи)

«Никто не знал и не предполагал. И хоть театр мал, но в нем есть большие страсти! Через преграды долог путь, но ваш театр должен их пройти! Виват! Брависсимо! Я вам, колена преклонив, кричу – Спасибо вам! Спасибо! Вы будущее! Свет! С любовью к вам – я друг ваш и поклонник»

Степан Шахлевич, февраль 2006 г.

«Пришел. Увидел. Победил», – так раньше Цезарь говорил.

Я ж новой фразой разрешился: «Пришел, услышал, поразился»

Владимир Половнев

«Дорогие мои! Хочу к вам! Спасибо!»

(без подписи)

«Ребята! Друзья! Если вы этим живете, то ради этого стоит жить! Удачи!»

Ваши коллеги – городская сборная КВН, 23.10.1994 г.

*«Качает воды, ветви, чувства,
Шальной апрельский ветерок,
Шестнадцать лет любители искусства
Хранят театра костерок.
Всегда воспринимается так остро,
Как в юношу возрастает отрок...
И верные, и ветреные люди
Идут к нему в предчувствии прелюдий...»*

Ваш благодарный зритель

«Здесь, в самодеятельном театре, студенты, врачи, чиновники, журналисты предстают в самых лучших своих проявлениях – здесь они настоящие»

Валентина Рекунова, «Бизнес-мост», №3, апрель 2005 г.

«Я помню, каким этот спектакль был четыре года назад и был потрясен, увидев его сейчас. Какая трагичность вдруг появилась у девушки (у Наташи) в первой пьесе и какой цинизм (Ирины) во второй! Признаться, я давно этого ждал, очень рад, что сегодня увидел это. Первые две пьесы меня поразили профессиональным ростом, а третья нормальным выростанием актрис из своих наивных героинь. Есть все-таки для каждой актрисы возраст, когда ей уже нельзя играть Джульетту.

Закончить я хотел бы тостом. Вы, конечно, знаете песню Ника Кейва «Где цветут дикие розы» – о том, как молодой человек, полюбивший девушку, убил ее камушком,

чтобы оставалась вечно молодой и прекрасной. Так давайте же выпьем за вечно молодой спектакль «Три пьесы для фортепиано, голоса и души»!

Вечно ваш зритель

Отзывы пишут после каждого спектакля, иногда присылают целые тетрадки. Часто приходят студенты разных факультетов и пишут на темы наших спектаклей курсовые работы. Наш театр не избалован гастролями: далее Слюдянки, Братска и Красноярска мы не бывали, поэтому именно отклики зрителя и являются подтверждением того, что мы нужны, что наши спектакли ждут. Как правило, мы свои встречи заканчиваем аплодисментами зрителю. Нет ничего лучше наполненного зрительного зала, который может воспринимать каждый взгляд и вздох актера, радоваться удачно сыгранной сцене, умеет оценить интересную творческую находку.

«Какие зрители у Просекиной – на зависть! Элитная, своя, молодая публика, светлые лица, благодарная сосредоточенность»

Сергей Захарян, театральный критик

2. Актеры, ученики

Актеры. Они же ученики. Какие они? Тут, наверное, тоже как у всех.

Начнем с того, что есть и были по-настоящему талантливые и такие, у которых способности весьма скромные. С кем из них труднее, с кем сложнее, с кем, в конце концов, веселее?

Вот организовалась при театре группа девочек и мальчиков. Если кто-то думает, что они озабочены созданием произведения, получением знаний, желанием встать на путь самосовершенствования, тот ошибается. У них сейчас просто некоторый избыток свободного времени и гормонов. Впрочем, так оно и должно быть в это молодое счастливое время. Вот и кружат возле театра эти девочки с мальчиками, желая найти друзей, любовь и что-нибудь эдакое, ни на что не похожее, о чем пока только грезится, в слова не облекается. Но вот пришел режиссер и сказал, что будем выступать, будем удивлять. Короче, будем создавать чудо. Необыкновенным восторгом наполняются сердца этих птенцов.

Но прошло совсем немного времени и восторги сменяются недоумением. Ведь надо приходить вовремя и не только на репетицию, но и на занятия по речи и движению. А еще и пол надо мыть? Дежурить во время спектакля в фойе театра? Как? И билеты тоже распространять необходимо?

Ну вот, наконец-то дали два выхода в массовке, и из-за этих двух выходов надо целое воскресенье пробыть в театре. И то говорят, что плохо вышло, не в том, видите ли, ритме! И вообще, меня здесь не любят да и времени у меня нет на такую ерунду. При этом льют слезы, обижаются. И уходят, часто прихватив с собой друга или подругу, обретенных в «Диалоге».

Иногда этот уход очень отрицательно влияет на спектакль, а иногда и напрочь разрушает то, что сделано целым коллективом за несколько месяцев, а то и за год. Однажды режиссер театра «Родничок» Тагир Романович Хамитов из Ангарска сам, заменяя кого-то, не пришедшего на спектакль, с горечью, очень тихо сказал: «Поймите, участник, бросивший спектакль – это никому не видимые слезы режиссера и горькие раздумья».

Раньше я брала всех, кто бы ни пришел. Поработают, познакомятся, определят, быть им здесь или не быть. Сейчас осторожничаю, ведь театральная атмосфера очень тонка, даже эфемерна, создается годами из невидимых нитей притяжения, и угадать случайного человека, который за неделю-две может походить, даже не нарочно что-то разрушить, необходимо. Так что нужного человека найти трудно, но тем радостнее, когда приходит тот, которого ждем.

Есть такое понятие – п о т р е б и т е л ь с т в о. А жизнь-то устроена так, что за все нужно платить. Мне, например, за то, чтобы много работать в «Диалоге», надо много работать в других местах. Проводить классные часы и другие мероприятия со студентами Энергоколледжа – это за то, что мы работаем под крышей этого учебного заведения. Но и это не все. Чтобы быть режиссером театра «Диалог» и жить относительно нормально, надо еще где-то работать. И люди, которые надолго остаются в коллективе, такие же: они прекрасно понимают, что команду для каждого спектакля мы создаем сами, поэтому охотно помогают новичкам, оформляют спектакль, участвуют в создании нашей внутри-театральной атмосферы.

«Не оскудеет рука дающего»? Это правда, но если берущий – не плут, желающий по жизни пройти легко и беззаботно, все вкусив, ни за что не заплатив – ни добрым словом, ни добрым делом, ни временем, ни нервами, ни мыслями. А такие находятся. Вот тут-то я и замечаю, что ребята как-то погрустнели, устали. Начинаю пересматривать настоящий состав участников и вижу – «запустили козла в огород», да подчас и не одного. Появилось несколько человек, которые ничего не дают, но при этом смотрят репетиции, критикуют все, очень быстро проникают в коллектив, ходят к диалоговцам в гости, «тусуются», могут без конца вести какие-то разговоры, в занятиях предпочитают не участвовать, так как там все-таки надо «напрягаться». В общем, ведут себя как свободные художники.

Кажущуюся свободу любительского сообщества они принимают за ни к чему не обязывающее приятное общение. Они не понимают, что если ты сегодня ничего не принёс в театр, значит унёс. Унёс наше время, внимание, атмосферу, которая представляет собой вроде бы и не материальное понятие, но построена из вполне конкретных вещей: улыбки, хорошей репетиции, интересной идеи, песни, огромного желания выйти на сцену и всё, пусть пока неумело, но исполнить, и еще из множества мелочей.

Или еще один вид потребительства – появление «шакалов». Это когда появляется некто и переманивает в другой (свой) коллектив интересной ролью уже подготовленных, обученных людей. Делает все это тайно, расставляя целую систему ловушек, переговоров. И находятся такие, хотя и редко, которые охотно идут в расставленные ловушки, оставляя брешь в спектакле, да и в коллективе тоже. Но про это даже писать не хочется, так что лучше про девочек и мальчиков продолжить.

Вот, из мальчиков и девочек выкристаллизовались люди способные, одаренные. С ними веселее, но не легче. У нас есть правила – «заповеди», то есть некий свод этических законов, по которым мы должны жить в нашем театре. Следует понимать, что принятые нами правила едины для всех. Не очень большой урон принесет отстранение за нарушение этих правил человека, который ходит сюда, так сказать, за компанию. Ни для театра, ни для него самого не будет это большой потерей. А как поступить с тем, на котором держится спектакль, подчас не один? Каких бессонных ночей стоит в этом случае решение?

Со способным человеком труднее еще и потому, что он развивается быстрее, его творческий потенциал требует постоянно чего-то нового, для него коллектив – та почва, где он может проявиться. Если этого не происходит, то он исчезает.

Что еще говорят об учениках в юбилейные дни? Принято подсчитывать, сколько участников коллектива покоряют зрителей, играя на профессиональных сценах. И у нас таких немало, но вот странно – особой эйфории я по этому поводу не испытываю. Бывают и сомнения: а вдруг человек был бы более интересен, если бы не пришел в студию, если благополучно избежал бы этого театрального пути? Но и другие соображения тоже посещают меня, когда я вижу, как скучно и монотонно зарабатывает деньги «богом помазанный» человек. И как знать, задержишься ли с нами подольше, может быть сейчас приносил бы себе и другим радость совсем другого свойства.

Да, среди бывших наших участников есть и режиссеры, и педагоги, есть и интересные актеры. Какими они становятся после того, как вкусили успех, обожание публики, закончили театральные училища и вузы? К сожалению, есть и такие, которые, несмотря на то, что пробыли в «Диалоге» немало лет (бывает более десятка), не хотят даже упоминать о годах ученичества и открытия себя в нем, и при встречах ведут себя далеко не просто, а даже высокомерно. Так актер одного из ведущих театров Москвы, которого мы когда-то всем коллективом долго, трепетно, с надеждой готовили к поступлению в столичный вуз, вообще перестал узнавать «своих иркутских». Что ж, отношения учителя и ученика никогда не были простыми. «Ты три раза отречешься от меня до того, как запюют петухи». Это случилось давно, но не значит, что никогда не повторится.

И всё же, ну почему именно так? Значит то, что для этих людей смысл наших заповедей и произведений, что мы играем, является просто лицедейством, а не воспитанием своей души? Наверное. Но и не только. В каждом виде деятельности, в каждом явлении есть свои светлые и темные стороны как две стороны медали. Я уже давно не смотрю сквозь розовые стекла на театр в целом, в том числе и на любительский.

Начнем с того, что в театральном коллективе человек имеет возможность развивать свои творческие способности, но при этом еще более быстрыми темпами может расти тщеславие, самолюбование. Или, играя честных благородных людей, актер незаметно присваивает эти качества себе – такой самообман тоже имеет место. Или хорошая добрая обстановка в коллективе – замечательно, но человек привыкает к ней и не умеет принять те порядки, что существуют вне театра. Отсюда возникает отчуждение к окружающему миру или даже появляется гордыня: «это – я, а это – все остальные».

Ну а кто и что может возразить против фестивалей? Творческое общение, радость встреч. Хотя подчас бывает страшно смотреть на режиссера (актера), превратившегося в комок нервов из-за того, что что-то на этот раз не сложилось, не получилось, что его не оценили, не погладили. Кстати, несправедливости и предвзятости на этих сборах тоже бывает немало. Поэтому «хвалу и клевету приемли равнодушно», но это легко было сказать Александру Сергеевичу Пушкину. Пуш-ки-ну! А я-то работаю с обыкновенными людьми. И это уже три десятка лет. Ну хорошо, пусть в чем-то очень необыкновенными, но то, что они явно не Пушкины, это уж точно. Так чего же я хочу?

А вот чего. На страницах этой книги о «Диалоге» нельзя не упомянуть тех, кто пошел по моему пути. По пути создания театра, кто при этом не однажды возвращался к нашим победам и поражениям. Это Ирина Бушуева, твердая, волевая, сильная женщина, создавшая 20 лет назад свой театр-островок надежды в Железногорске, разрываю-

щаяся сейчас между обязанностями директора Дома культуры и режиссерской работой. Ей очень трудно, так как на ее глазах разрушилась прежняя система содержания и финансирования учреждений культуры, но она театр свой не бросит, тем более не предаст. Или Сергей Анчутин, пришедший в «Диалог» в первый год его существования. Долгая тропинка вела его к тому, что он сейчас делает в саянском Доме детского и юношеского творчества, руководя детским театром. Окончив Иркутское училище искусств и Ленинградский институт культуры, он долго не мог сформулировать смысл своих усилий в театральной деятельности, найти, что называется, свою сверх-сверхзадачу. Но сейчас он хорошо занимается с детьми, являясь, между прочим, отцом пятерых сыновей.

Наташа Орлова – актриса, хрупкая, с негромким, чуть глуховатым голосом. В прошлом году удивила всех нас постановкой спектакля по рассказам В. Шукшина в студии, организованной ею при театре Народной драмы. А у тех участников, что не пошли в театральную профессию, жизнь, мне кажется, намного легче. Умение говорить, общаться, иметь более широкий кругозор, познавать важные для своей жизни истины, обретать друзей, а главное, наполнить свою юность интересным и полезным делом, которое в зрелые годы будет для них «прекрасным далеким», камертоном, определяющим дальнейшие поступки, – вот что для них «Диалог».

Сегодня я тепло вспоминаю многих, кто участвовал в первом нашем спектакле. Это Светлана Зубакова, главный редактор альманаха «Первоцвет», Гагик Симонян, который вообще стал легендой нашего театра. Его мы нашли в колонии, что по началу нас насторожило. А он поверил в наш коллектив и сумел убедить руководство колонии, чтобы его отпускали на репетиции. Вел себя так, что мы через некоторое время полностью забыли, откуда он у нас, а когда Гагик пришел и сказал, что всё, ребята, закончился срок, мы не сразу поняли, о каком это «сроке» он так радостно объявляет. Потом он уехал в Армению, а через восемь лет приехал в гости, никого не предупредив. Он сделал нам сюрприз, неожиданно появившись на сцене с огромным тортом.

Это, конечно, и Виктор Верхозин, почти десять лет служивший театру. Именно служивший, по-другому не сказать. И Фарид Мухомедшин, живущий сейчас в Канаде. Он чаще других выступал с критическими замечаниями после прогонов или генеральных репетиций. К нему мы прислушивались гораздо больше, чем к кому-то со стороны. Фарид – талантливый сценарист. Это он на основе публицистики В. Распутина написал сценарий документального спектакля «Глоток чистой воды».

Илья и Алексей Просекины – мои сыновья и помощники, мало видевшие меня дома, но из «Диалога» взявшие то, что делает человека личностью. Именно искреннее участие в Движении за Байкал не позволило Алексею как журналисту проигнорировать события, происходящие в «горячих точках». Илья все-таки пошел в театральное училище, потом в университет культуры и в училище им. Щукина. Сейчас он с двумя дипломами, соответственно, со всеми режиссёрскими проблемами.

С теплотой вспоминаю и Леночку Сташкову, нашу, не помню уже почему, «Ёлочку», присутствие которой в театре создавало атмосферу уюта и покоя. У нее сейчас пятеро детей.

Вспоминать тех, кто был в «Диалоге», можно долго и с радостью.

Передо мной дневники «Диалога». Многие писали в них, но летописцами можно назвать трех человек. Это Анна Иоффе – у нее написано уже несколько пьес, а две из них даже поставлены А. Гречманом, кстати, тоже участником «Диалога» в течение первых

десяти лет. Людмила Верховина, живущая сейчас в Подмосковье, но так и не сумевшая в душе поменять место жительства. Она по-прежнему считает себя иркутянской. Очень интересны записи Елены Сергеевой о встречах с Виталием Венгером, Антониной Рыбаковой и с коллективами многих любительских театров.

В «Диалоге» есть и такие участники, которые успешно играют в театре и десять, и пятнадцать, и более лет. Сана Безменова уже сама может научить других многому, она – неизменный мой помощник в создании спектаклей, умеющий практически все: поставить танец, записать музыку, сшить костюм. Это и талантливые, не побоюсь этого слова, Елена Башкирцева и Анна Портнягина. Исполнение ими ролей делает спектакль событием. Они умеют заставить каждого их слову, настолько искренни и душевно щедрь. Конечно, это Екатерина Шелковникова – можно сказать, советник и консультант по оформлению спектаклей и пошиву костюмов. Сергей Федосеев и Виктор Настенко – сложилось такое впечатление, что они появляются именно тогда, когда нужна помощь, когда возникает брешь в спектакле, когда они очень нужны.

А кого можно назвать надеждой нашего театра? «Не надейся рыбак на погоду, а надейся на парус тугой», – такая песня звучала в нашем давнем спектакле. Возможно, это Ирина Романова и... Впрочем, трудно сказать. Пока не знаю.

Перечисленные имена – это только часть тех людей, о которых сегодня хочется говорить. Все это люди, у которых уже до прихода к нам было какое-то предрасположение к театру. Случайным их приход не назовешь. Но иногда обнаружишь в своих рядах такого, который к своему совершеннолетию элементарно и читать-то не научился. Как так получилось – трудно сказать, ведь в детском садике и в школе какие-то стишки выучивают, потом их трогательно рассказывают. Как-то мимо него это прошло. Поэтому он не контактен, не общителен, но занимается, худо-бедно где-то участвует – то афиши расклеит, то альбомы на столе перед спектаклем разложит. А время идет. Иногда проходит не один год... И вот однажды на каком-нибудь вечере он выходит на сцену. И происходит маленькое чудо. Маленькое, но всё-таки чудо! Его даже не замечают те боевые, пришедшие позже и уже готовые на многое. Но знавшие этого человека со дня его прихода замолкают, удивленно переглядываются, а потом тишина взрывается аплодисментами. Смог! Победил свою застенчивость, свою дремучую безграмотность, перестал (вдруг!) быть серой мышкой или даже серым дикарем!

Такое, к сожалению, редко случается, очень редко. Чаще бывает другое: когда очень способные люди небрежно относятся к своему дару, не стремятся его развивать. Из-за лени, суеты, привычки проводить свое свободное время празднично и беззаботно. Они забывают о том, что если их так щедро одарила природа, значит, кому-то она, наверное, не додала. А значит, грешно и глупо так безалаберно обращаться с этим бесценным даром!

Из дневника «Диалога»:

«Когда я ходил с друзьями на дискотеку в ДК завода им. Куйбышева, все посматривал на дверь с надписью «Диалог». Однажды я вошел туда, но, увидев серьезных людей, увлеченных каким-то важным делом, я жутко оробел и спешно ретировался. Шли годы (прошло, кстати, не менее десяти лет). С высоты прожитых лет я взирал на прошлое и жалел о потерянном времени. Думалось, что если бы я начал жизнь сначала, то не упустил бы свой шанс и сейчас бы не был такой серой личностью. И вот однажды, после очередной попойки, я пришел к своему другу Рашиду и решительно попросил

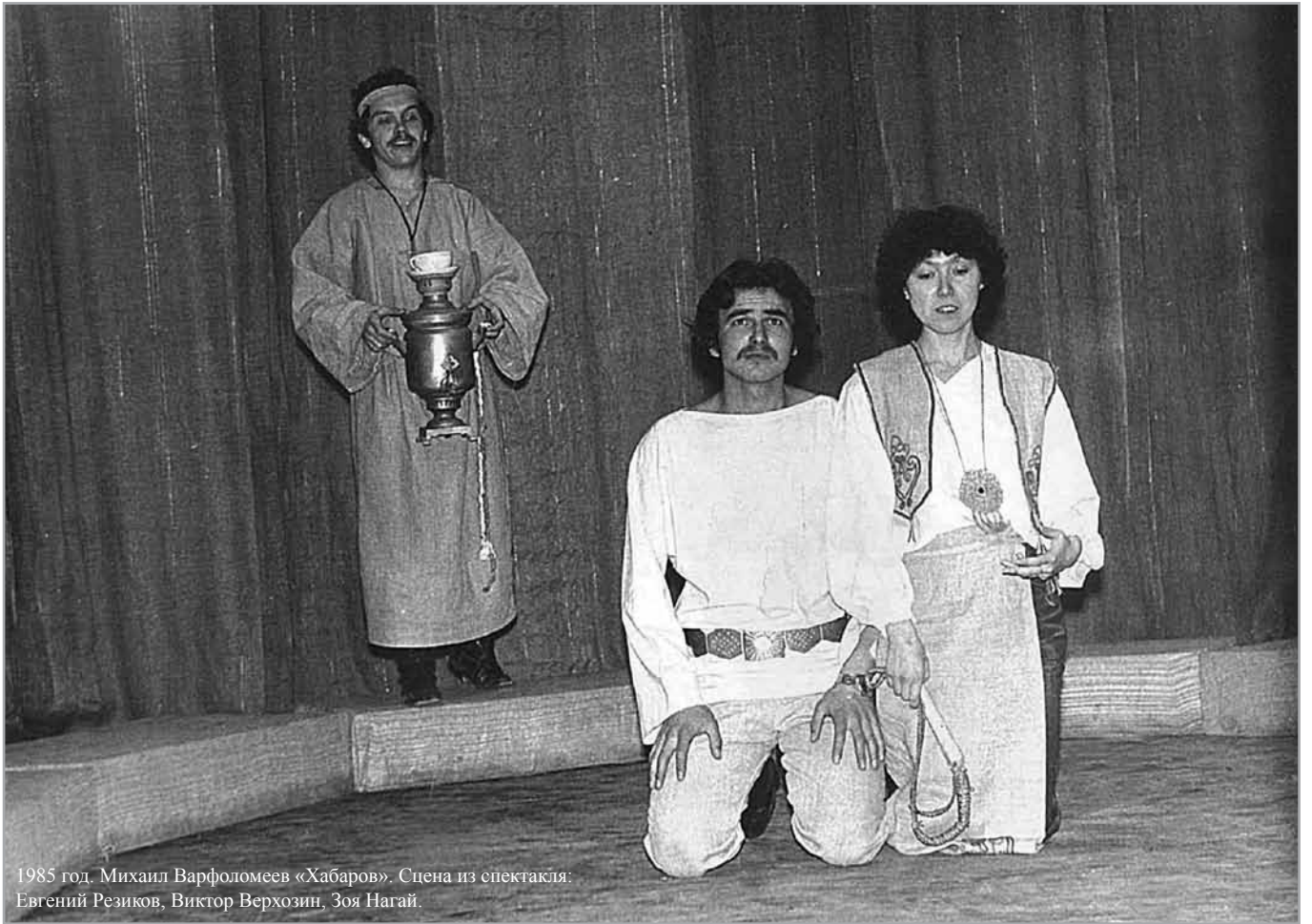
его сходить со мной, помочь мне устроиться в какой-нибудь театральный кружок или студию, а иначе я сдохну от тоски.

Порыскав по городу и поспрашивав кое-каких знакомых, узнали теперешний адрес «Диалога». Сначала я пытался прийти сюда один, но, дойдя до заветной двери, потоптался и ушел. Снова пришлось прибегать к помощи Рашида, и неожиданно мы попали на «Старшего сына». Я был просто счастлив. Мы решили остаться в «Диалоге».

С. Скарченко, 10.04.1998 г.

«Здравствуйте! Добро пожаловать в наш зрительный зал!»

1985 год. Михаил Варфоломеев «Хабаров». Сцена из спектакля:
Евгений Резиков, Виктор Верховин, Зоя Нагай.

Нет счастья большего, чем хорошо завершённый спектакль. Тогда мы
со зрителем аплодируем вместе: они – нам, мы – им. Диалог!

ГЛАВА 3. СПЕКТАКЛИ, СТАВШИЕ СУДЬБОЙ

Глава наполнена только позитивными размышлениями.

Хотя режиссер и актер далеко не идеальны,
но у них есть то, в чем проявилось их лучшее «я» — это те самые
спектакли-сваи, на которых держится их дом — «Диалог».

Просматриваю репертуар театра за все 30 лет. За каждым спектаклем, а их 36, своя история, своя команда, свое время. А время меняется, значит, как-то должны поменяться и мои взгляды, в том числе в связи с возрастом, опытом.

Вглядываюсь в репертуарный список. Какую бы из этих пьес сейчас, сегодня, я бы поставила по-другому. Не по форме и актерскому исполнению, а в идейном смысле, с другой сверхзадачей? И странно — никакую. Такая «упертость» откуда, отчего? Во-первых, не исключено, что это следствие определенной ограниченности в каких-то вопросах. Но, скорее всего, и время еще не пришло менять те позиции, которые не так-то легко было занять. А может быть, для работы выбирался литературный материал, ставящий вечные вопросы бытия, на которые, в конечном счете, или один ответ, или вообще нет ответа. Его ищут и не находят столетиями, а что такое наши три десятилетия по сравнению с этой бесконечной вереницей лет? Скорее всего, и первое, и второе, и третье.

Но все-таки, без каких спектаклей не сложилась бы история «Диалога», какие из них, можно сказать, «самые-самые», спектакли-сваи, на которых держится наш дом — «Диалог»?

Вот они, эти спектакли. Кстати, не факт, что они были лучше других по исполнению, просто:

И тут кончается искусство,

И дышит почва и судьба...

Б. Пастернак

О. Кучкина
«Страсти по Варваре»
7 апреля 1982 года
Открытие театра!

Из дневника «Диалога»:

«Репетируем, репетируем, и еще раз репетируем... С исполнительницей Тоньки — Т. пришлось проститься, уж очень она вывела всех остальных своим «яканьем» и при этом полным неумением работать. Окончательный срок сдачи назначили на 7 апреля. Предчувствую премьеру!»

И. Филатова, 28 февраля 1982 г.

«Все ближе и ближе день нашего открытия! К нам в театр пришел первый мужчина. Хотя до него были еще два, но это — мужья наших Нади Б. и Любы С., и использовались они только как рабочая сила. Теперь же Александр (кстати, отчество у него — Сергеевич) берется за дело как исполнитель...»

До нашего открытия чуть больше двух недель! И радостно, и страшно от этого. В воскресенье будем делать два прогона. Посмотрим, что они нам покажут.

И. Филатова, 19 марта 1982 г.

«Вот сидит напротив Филатова... На днях она меня ругала за то, что я хочу, чтобы наш состав играл первый спектакль. Но ведь если ничего не хотеть, то и скиснуть можно!»

Е. Залялетдинова, 28 марта 1982 г.

«...Насчет первого спектакля решит жребий, хотя мне тоже хотелось бы, чтобы наш состав играл, но ведь главное не в этом. А в том, что наш театр все-таки открывается. Хочу лишний раз напомнить всем, кто мучается подобными думами и вопросами о премьере, высказывание великого К.С. Станиславского: «Люби искусство в себе, а не себя в искусстве»

И. Филатова, 5 марта 1982 г.

«...Верю в будущее нашего театра, ведь в нем такие удивительные люди, не жалеющие ни сил, ни времени. Уже появились афиши в городе. Уже идет работа со зрителем, распространяются билеты на премьеру. Ведь это значит – на нас ложится большая ответственность за то, какими будут первые отзывы о театре».

Л. Левикова, 29 марта 1982 г.

«Отгремели аплодисменты, отишумели споры, зрители отбросили цветы уже шесть дней назад. В общем, открылись. Успешно? Пожалуй, да...»

В. Просекина, 18 апреля 1982 г.

И я еще тогда сомневалась! Прошло тридцать лет, и я со всей ответственностью заявляю, что планка, поднятая нашим первым спектаклем, была высокой, и далеко не каждый из последующих спектаклей мог достичь такой высоты.

Этот спектакль нам удалось поставить в двух вариантах: в первом акценты были расставлены так, что все невольно сопереживали матери, а во втором эти же обстоятельства складывались по-другому, – уязвимой и беззащитной становилась дочь. Этот ход был подсказан индивидуальностями участниц.

Исполнительница матери Елена Залялетдинова, поэтичная, нежная, не умеющая резать с плеча, но это было тогда, а сейчас трудно сказать, какая она: за эти годы ее подъем по служебной лестнице был непрост: заведующая отделом культуры, директор училища культуры, работа в администрации г. Шелехова. А исполнительница дочери Ирина Филатова – волевая, смелая, энергичная (она и сейчас такой является, работая директором Дома культуры в Железногорске и одновременно режиссером театра «Зеркало»). Они составляли своеобразный дуэт, совершенно непохожий на второй. Во второй версии роль матери была исполнена Любовью Сизых, воспринимающей жизнь конкретно и прагматично, без розовых очков, а линию дочери по-девичьи очень кротко вела Светлана Боровикова (ныне Зубакова), которая и сейчас в своей работе редактора «Первоцвета» проявляет чудеса терпения и такта, читая и разбирая опусы молодых авторов.

«Критики вопрошают, как избежал «Диалог» перестроечной чернухи-порнухи? А у него и выбора не стояло, ведь изначально с первого благовещенского спектакля участ-

ники несли сюда только благое, благодатное», – написала Валентина Рекунова в статье «Ковчег» (издание) в апреле 2005 года.

В. Шукшин
«До третьих петухов»
1983 год

Этот спектакль стал этапным по двум составляющим. Во-первых, произведение было «не рекомендовано» к постановке. В то время оно ставилось только в нескольких кукольных театрах. Соответственно, администрацией училища этот выбор был встречен напряженно.

Это была не пьеса, а инсценировка, поэтому здесь потребовался куда больший поиск выразительных средств, определенная смелость во всех отношениях. Шукшин здесь идет напрямую, несмотря на метафористический язык сказки. Боль, гнев, сострадание, мучительный поиск выхода из тупикового круга главного героя Ивана-дурака, а вместе с этим думы о пути России – вот круг вопросов и проблем, о которых мы говорили и спорили, сочиняя этот спектакль. Естественно, на каждом спектакле присутствовали «люди в штатском» – в маленьком зале среди, в основном, студенческого зрителя их хорошо видно.

Но самое главное для истории «Диалога» – приход к нам целого потока мужчин. И каких! Конечно, мы их ждали, готовились, мы были их достойны. Я уже писала о том, какими замечательными были наши первые женщины. Но театр уж так построен: если нет мужчин – нет театра. То есть спектакль-то может быть, какой разговор! Талантливые красивые женщины могут сделать даже гениальный спектакль, но театр – нет.

Итак, они пришли! Пожалуй, такого мужского крепкого содружества, которое было в те краткие полтора года, не было за всю историю театра. Их имена, когда поизносишь все вместе, и сейчас звучат как музыка: Сергей Бурнашев, Гагик Симонян, Виктор Верхозин, Александр Гречман, Сергей Анчутин, Игорь Кондратьев, Сергей Чернов, Родион Хайрутдинов, Алексей Рябцовский.

Из дневника «Диалога»:

«Все уработались, даже запись некогда сделать. Работаем захлест, взапой, может, не всегда идеально, но с интересом».

В. Просекина, 13 марта 1983 г.

«Проиграли пять спектаклей. Первый – 5 апреля. Спектакль долго перебирали, нерелопачивали, разрешили допустить до широкого зрителя после исправления кое-каких сцен. 23-го вышли, наконец, на зрителя. Зритель принимает спектакль на «ура». Я сама смотрю его на одном дыхании».

В. Просекина, 26 апреля 1983 г.

А. Корин
«Чудеса в ожидании лета»
1985 год

Если первые два спектакля, которые я выделила из общего списка, имели ряд бесспорных художественных достоинств, то этот спектакль был поставлен весьма скромно.

Но, конечно, мило, по той причине, что играли в нем участники нашей первой студии, которую мы набрали на третьем году своего существования, понимая, что без молодой поросли нам не обойтись.

И с той самой поры, а это, видимо, судьба, время от времени приходится набирать молодых, совсем юных, обучать их, формировать из них коллектив, потом ассимилировать с более взрослым составом. Вот уже четвертая по счету студия выросла из студийного возраста, и я опять пересматриваю ряды.

Все это хорошо, если бы был в театре отдельный человек, который бы занимался со студийцами. Конечно, как могут, диалоговцы помогают, проводят занятия по речи, движению, танцу. Но это никак не оплачивается, а ведь у каждого из них семья и надо работать там, где платят. «Как назовешь корабль, так он и поплывет». Сейчас уже трудно выбросить мысль из головы, что у нас не будет молодых. Хотелось бы более качественных занятий с ними, большего внимания, но как разделить, как разорваться?

Но вернемся к первой студии, которая была не очень сильной, но, тем не менее, три человека из нее свою дальнейшую жизнь связали с театром. Замечательный актер в спектаклях А. Гречмана Вячеслав Васильев. Наталья Орлова, получившая профессиональное актерское образование – в настоящее время актриса Иркутского городского театра народной драмы. Алексей Просекин, лет двенадцать участвовавший в спектаклях «Диалога», дипломант нескольких российских и международных конкурсов молодых драматургов. Так что этот, уже забытый спектакль, стал действительно ожиданием чудес.

В. Распутин, Ф. Мухамедшин
«Глоток чистой воды»
1987 год

Об этом спектакле я уже подробно писала. К сожалению, не могу приложить ни одного отклика прессы, так как писать об этом было нельзя. Хотя однажды «Советская молодежь» предприняла такую попытку – заметка о спектакле прорвалась на полосу, но цензура это обнаружила, тираж был приостановлен, и ничего, кроме скандала, не получилось.

От темы «Глоток чистой воды» было трудно отойти. Последовавшие спектакли «Физики» (Ф. Дюрренматт), «Маленький принц» (А. Экзюпери) продолжили ее.

Из отзывов зрителей тех спектаклей:

«Много маленьких людей во множестве маленьких мест, совершив много маленьких дел, способны изменить лицо мира». Я сделаю так, что бы моя дочь была похожа на Маленького принца. Спасибо!

Ольга Тарасова, 20 мая 1989 г.

Г. Полонский
«Медовый месяц Золушки»
1994 год

Спектакль по этой пьесе был знаменателен тем, что был первым в новом реконструированном зале Энерготехникума, где мы и собирались начать новую жизнь.

Самые теплые воспоминания об этом спектакле сохранились, по-моему, у каждого, кто в нем был занят. Его ставила вторая, я ее назвала, Новая студия. Из всех четырех студий состав этот был наиболее удачным, хотя он тоже формировался пару лет.

Все ребята, которые были заняты в «Золушке», прозанимались в «Диалоге» около пяти лет, некоторые и десять, а самые из самых занимаются и поныне: Сана Безменова, Анна Портнягина, Екатерина Шелковникова.

Записи в дневнике того времени наивны, восторженны, полны любви и принятия всего, что нас окружает. Это было временем перемен и еще пока временем надежд. Оно и понятно: новое помещение, новая студия, вера в хорошие, добрые отношения с окружающими тебя людьми.

Есть такое понятие в театральной истории мира как «жестокий театр». Если не вдаваться в подробности этого течения (здесь это совсем ни к чему), а просто на слух попытаться этому понятию противопоставить наше настроение этого периода, то это будет «добрый театр». «Золушка» как раз и начала этап «добротного театра».

Естественно, этот период был небольшим, но все спектакли, поставленные в это время – это та «земля обетованная», к которой хочется опять придти, опять ступить на нее. Территория земли обетованной разная – это Дворец Золушки и Принца, это и неказистая квартирка Сарафанова, это и богатая барская усадьба тургеневских героев «Месяца в деревне», и круг-венок, сплетенный из яблоневых веток для «Дома окнами в поле». Это и Лена (по фамилии Колосок) за фортепиано, а на сцене – это Земля. За ней две девушки, они пытаются обнять, приласкать ее, они верят, что «земля – это как ребенок: если прижать ее к сердцу, то она успокоится, и все несчастья исчезнут». Это, наконец-то, исполненная кантата Сарафанова под названием «Все люди – братья». Но это и палатки на берегу Утулика и Байкала, поиски гармонии в себе и в окружающих.

И. Тургенев «Месяц в деревне» 1997 год

Как-то так получилось, что к русской классике мы обратились на пятнадцатом году жизни. Почему так поздно? Дело, конечно, было во мне. Я боялась.

Классические произведения мне казались высокими и глубокими. Любя и боготворя их, я все время опасалась, что ребята не поймут, пьесы будут отвергнуты при первой же читке. Но то время, когда мы взяли в работу «Месяц в деревне», было временем подъема, веры в себя и друг друга.

Из дневника «Диалога»:

«Вот и отшумел наш последний «Месяц в деревне», отшелестел платьями, отблистал обнаженными плечами, изящными локонами, элегантными сюртуками. Отзвучали последние, серебристо-печальные звуки романса и пронзительной скрипки. Разошлись растроганные зрители. Что осталось для нас? Что с нами произошло? Кто-то вспомнит тот искрометный прогон в воскресенье, когда все мы «купались в прелестях пьесы» и радовались новым находкам, да и просто тому, что всех нас собрал Тургенев, открыл нам самые нетронутые уголки души, нашей современной, сумасшедшей души. Ну уж конечно не забудется сегодняшний спектакль! Гроздь зрителей, свисающих с

балкона, и (о, Боже!) критики, сидящие на полу, прямо у ног актеров. Потом мы обязательно сделаем общую фотографию, где все в костюмах, усталые и счастливые, еще погруженные в атмосферу расставания. Глядя на нее, будем когда-нибудь вспоминать ставшие почти нашими судьбы, переживая это счастье вновь и вновь»

Е. Колосок, 26.10.1997 г.

А. Вампилов
«Старший сын» или «Все люди – братья»
1998 год

«Но уж если говорить об иркутских «Старших сыновьях», то я обязательно включаю сюда постановку Валентины Просекиной, называющуюся еще и «Все люди – братья», без оговорок и скидок во всех отношениях (кроме, разве, молодости Сарафанова – блестящего актера Родиона Хайрутдинова). Несмотря на то, что эта работа непрофессионалов, спектакль классный! И – художественно принципиальный!»

Яков Серпов-Молотов, «Культура», 2005 г.

«В.С. Просекина к своему спектаклю сделала подзаголовок «Все люди – братья» и целеустремленно утверждает эту мысль со сцены. Интересен Сильва в исполнении журналиста А. Просекина. Он меньше всего «плейбой», он почти рыцарь дружбы, мужской солидарности, сочувствия. Быть таким ему просто помешали обстоятельства и врожденное любопытство. Его «плохиш» трогательно выходит на поклон в финале с опущенной головой.

Милый, нежный Васенька Александра Мосина, красавица и, в общем-то, добрейшая Макарская Татьяна Герасимовой, солнечный олух Кудимов Виталия Барышникова, соседи, девушки – все искрится внутренним светом и душевной теплотой. Дорогой всем иркутянам Вампилов в очередной раз состоялся на молодежной сцене. «Опять от меня сбежала последняя электричка» – под эту модную мелодию незатейливой песенки шестидесятых годов в конце спектакля все герои пляшут в твисто-рок-н-рольном ритме, родные и понятные друг другу. Может быть, прав Сарафанов, и все люди действительно братья?»

С. Жартун, Иркутск, 20 апреля 1998 г.

Н. Нагорнов, сценическая версия В. Просекиной
«Суперстена»
1996 год, 2001 год

Об этом спектакле я подробнее расскажу в главе «О времени и о себе». Оказалось, что существует острая нехватка современных пьес, в которых бы действовали сегодняшние 15 – 17-летние герои (а в студию приходят именно такие, и они не станут играть то, что им не знакомо, то, что не интересно). Поэтому нам пришлось дважды обращаться к страданиям юного Орлова – так зовут главного героя этого произведения.

«...Основная идея спектакля – показать жизнь подростка 15 – 17 лет, борьбу его внутренних «я» и проявление их в различных жизненных ситуациях. Представьте себе молодого человека-романтика, желающего изменить мир, влюбившегося и внезапно сломавшегося, превратившегося в барахольщика и человека класса «купи-продай», внезапно возродившегося и понявшего, что за все в жизни надо платить. Трудно представить?»

Выход один – приходите в гости к «Диалогу», смотрите. Размышляйте, спорьте – не зря же театр называется «Диалог». Он услышит ваши идеи, и, благодаря вам, спектакль может зажить по-новому».

Семен Михайлович, газета «Разрешите пройти», март 1996 г.

«Получился ли спектакль «Суперстена»? Да, получился, потому что состоялся со зрителем диалог, поэтому хочется прийти в этот театр еще раз – здесь не обманут, здесь будет интересно».

Семен Дзюба, «Шарманка», апрель 1996 г.

«Роль Поля Бельского (у автора: «ловец человеческих душ», ни много ни мало!) исполняет Виталий Барышников, чудесный, один из лучших актеров «Диалога». Такого пронзительного, всепокоряющего обаяния и в сценической манере, и во внешности, в какой-то сияющей русскости, что воспринимать «в лоб» однозначно этого «искусителя» я не могу...

Я вижу здесь метод от обратного, доброе лукавство расчета, к которому прибегает иной врачеватель. Ты вкуси-ка, Орлов, лошадиную дозу зла (до известных пределов) – отвратит!

А еще «суперстена» рушится благодаря трем героиням. И это тоже, скорей, не авторская подсказка, но режиссерское прозрение Валентины Просекиной – иначе у нее, женщины удивительного, мягкого и волевого очарования (но и жесткого профессионала), и быть не могло. Три молодые исполнительницы – Надежда Лисицына, Татьяна Тарбеева, Екатерина Шестопалова договаривают то, чего нет в тексте ролей.

...Мы расстаемся с Орловым на больничной койке, после реанимации, удивляющимся: «А мир-то, оказывается, не без добрых людей!»»

Яков Серпов, газета «Земля», март 2001 г.

А. Чехов
«Чайка»
1999 год

Этот спектакль откроет полосу совершенно других настроений, размышлений, трагических судеб, безвыходных ситуаций.

Последние годы двадцатого столетия. После 1991 года прошло уже немало лет, а в стране неразбериха, криминальные разборки, не прекращается война на Кавказе. Невостребованным и непонятым остается талантливый человек в «Чайке», и булгаковские герои из «Зойкиной квартиры», не сумевшие в крутом историческом повороте сохранить свою душу, в финале спектакля идущие по кругу, не желая или не сумев вырваться из него. Спектакль «Русскими буквами» по пьесе К. Драгунской заканчивается экологической катастрофой, из которой так же нет выхода; поставленные в этот же период пушкинские «Русалка» и «Пир во время чумы» продолжали эти темы.

Нет, все-таки какой-то свет был в этих спектаклях – там были люди, над которыми мы не смеялись, мы их не осуждали, мы им сочувствовали. Мы не были их судьями, да и какое мы имеем право выносить кому-то приговор? Наше дело – понять своего героя, точнее, персонажа, так как героя-то и нет в этих спектаклях.

Появившаяся в пьесе Алексея Просекина солдатская мать в какой-то мере утолила нашу жажду по герою.

«...есть в спектакле целый ряд живых, открытых моментов, когда рождается ощущение бережного взглядывания, вслушивания в возможности знаменитой пьесы: это передается артистами сверху, от «Чайки» Просекиной. И эта добрая сосредоточенность, молодая готовность сыграть все заново и, может быть, по-другому безошибочно вербует театру новых трепетных поклонников. И я, много лет зритель «Диалога», утверждаюсь в своем уважении и любви к этой честной работе, особенно в своем удивительном финале, когда все сыграв, артисты усаживаются перед первым рядом на скамье, спиной к нам, и наступает драгоценный момент сосредоточенной тишины... публика не шелхнет, не аплодирует, вместе с «диалоговцами» взглядывается в пустое пространство сцены...все еще возможно, сейчас зазвучит непредвиденный Чехов...»

Сергей Захарян, «Иркутск», 24 декабря 1999 г.

«Актёры и режиссёр театра «Диалог» спроецировали судьбы героев Чехова на себя, почувствовали их, как собственную боль, страдания, надежду. Они вышли на сцену, чтобы на классическом примере движения человеческой души сказать о том, что творчество бессмертно, оно продолжается в поколениях».

Светлана Григорьева, «Иркутск», 11 декабря 1999 г.

А. Просекин
«Снохождения»
2003 год

Участник нашего театра Алексей Просекин написал пьесу. Тема: «Чечня. Война. Мать». Тема тяжелая, но это его тема, тема журналиста, побывавшего почти во всех горячих точках. Понятно, что отражение увиденного через драматургию тоже не случайно, тому виной занятия в «Диалоге» более десятка лет. Поэтому появившаяся пьеса стала фактом в истории нашего театра. Надо было помочь ему обрести силы, поверить в себя. Нет ничего ужаснее писать пьесы только для публикации и не видеть их на сцене. За постановку решил взяться режиссер Владимир Дрожжин.

Зрители о спектакле:

«Об этом (о войне) очень много говорят. Но так грустно мне было впервые! Большое спасибо вам, что вы выбрали именно эту тему для просвещения общества.»

Я действительно до сих пор нахожусь под впечатлением. Чтобы заставить людей задуматься о трагедии мира, грусти, проблемах, войне, не надо великих актеров большой сцены. Поэтому прошу вас, ставьте побольше спектаклей, причем именно таких, на тяжелые темы.

P.S. Большая просьба, о ваших спектаклях узнать очень сложно, развешивайте какие-нибудь афиши».

Вита, лицей ИГУ

«Диалог» затронул в своем выступлении такую глубокую и обширную тему как война. На сцене был показан отрывок из спектакля «Снохождение», премьеры которого еще должна будет состояться. Мать погибшего солдата, чеченец и русский пленный – всего лишь на десяток минут они сконцентрировали на себе внимание зрительного зала,

но этого оказалось достаточно. Они не просто коснулись сердца, нет, они ворвались в душу как безумные вихри. Закололи, сжали, затеребили все уголки сознания, затопили немым ужасом. Потребовалось какое-то время, что бы очнуться и поверить, что это только игра актеров».

Ольга Михайлова, «Культура», апрель 2004 г.

«С большим уважением и наилучшими пожеланиями мы преклоняемся перед вашим творчеством. Такого прекрасного исполнения мы еще никогда не видели в нашей жизни.

Огромное вам спасибо за те чувства, которые вы пробудили в нас. С болью в сердце уходим с вашего спектакля.

Желаем вам успехов в вашем творчестве, и просто человеческого счастья».

всегда ваши курсанты, ИВШ МВД РФ,

Пожарно-технический факультет, 12-05 группа, 26.11.2005 г.

«...В роли Любови Андреевны актриса Елена Баширцева убедительна. В образе, создаваемом ею, нет отчаяния, мудрая сосредоточенность и открытая улыбка, которая помогает женщине находить общий язык с разными людьми, встречающимися на пути. Таковую, какой создает Елена Баширцева образ матери, никто и ничто не может остановить. Нет препятствия, которое смогло бы заставить ее отступить от поисков сына».

Светлана Борина, «Восточно-Сибирская правда», 20.11.2004 г.

А. Грин, сценическая версия В. Просекиной «Алые паруса» 2005 год

Шесть лет выводили мы на сцену людей с трудной, можно сказать, трагической судьбой. Это нелегко – страдать, плакать, сопереживать, а иногда и провожать своего героя в мир иной. Душе хотелось уже другого – полета, радости. Между прочим, и «Алые паруса» Александр Грин написал в 1922 году, а это – далеко не лучшее время в истории нашей страны. Просто он был влюблен и посвятил их Ей, своей музе, жене Нине Николаевне Грин. Просто был влюблен. Всего-то!

Жанр спектакля определен так: путешествие к счастью в трех действиях без антракта.

Из отзывов зрителей:

«...Но самую большую любовь сыграли не Ассоль и Грей, а Александр и Нина Грин. Спасибо актерам!»

(без подписи)

«Спасибо вам! Путешествие состоялось! Счастье найдено! Теперь я в это верю. Счастья вам и творческих успехов! Большой привет из Читы».

Юлия

«Ребята, вы чудо! Я испытала целую гамму эмоций! Захотелось быть настоящей счастливой!»

Ирина Войтенко, РДК, Усть-Илимский район

«Ассоль: «папа, почему они нас так не любят?»

Они не злые, они просто не видели спектакля театра «Диалог». Большое спасибо за доставленное удовольствие».

Работники культуры поселка Жигалово

«Без алых парусов никто не прожил века!

Есть радуга цветов для человека:

Меж белыми пеленками и саваном печальным

Мечты о счастье и любви – все ж изначальноны.

Поэтому и Грин любому поколению современен,

А «Диалог» в стремление к правде неприменин,

Актеры хороши, удался и спектакль, но вот в чем соль –

Просекина, в расцвете мудрости и сил, конечно, лучшая Ассоль!»

Владимир Половнев, 12 декабря 2005 г.

О. Богаев
«Марьино поле»
2011 год

Только что состоявшаяся премьера этого спектакля обратила на себя внимание уже многих газет, радио, телевидения. Но главное не это. Главное то, что герои этого спектакля стали частью нашей жизни. Мы играем их для того, чтобы их высокие и красивые чувства остались в генетической памяти поколений и, прежде всего, в нашем сердце.

«...Театр-студия «Диалог» дал нам пищу для души, и за это спасибо и актерам, и режиссерам, и всем энтузиастам этого коллектива. На премьере зал был полон. Были долгие аплодисменты, крики «браво», цветы – все как полагается.

Но самым дорогим была та особенная тишина сразу после спектакля, которую рождает настоящее сопереживание... Я вышла на улицу с редким и драгоценным чувством общения с искусством, которое помогает жить, дает надежду».

Г. Маркина, газета «Мои года», январь 2011 г.

Валентин Распутин
«Век живи – век люби»
2012 год

Спектакль по рассказам «Встреча», «Что передать вороне», «Василий и Василиса». Этим спектаклем 24 марта мы открыли в нашем городе новый театр – литературный театр «Слово». Зал маленький – на 55 мест, но уютный. Ю.И. Баранов, директор Дома литераторов, где будет базироваться этот театр, воодушевившись этим проектом, немало постарался, чтобы обновить помещение старинного, неухоженного к тому времени, особняка. А спектакль получился трогательным, исповедальным, очень нежным и светлым.

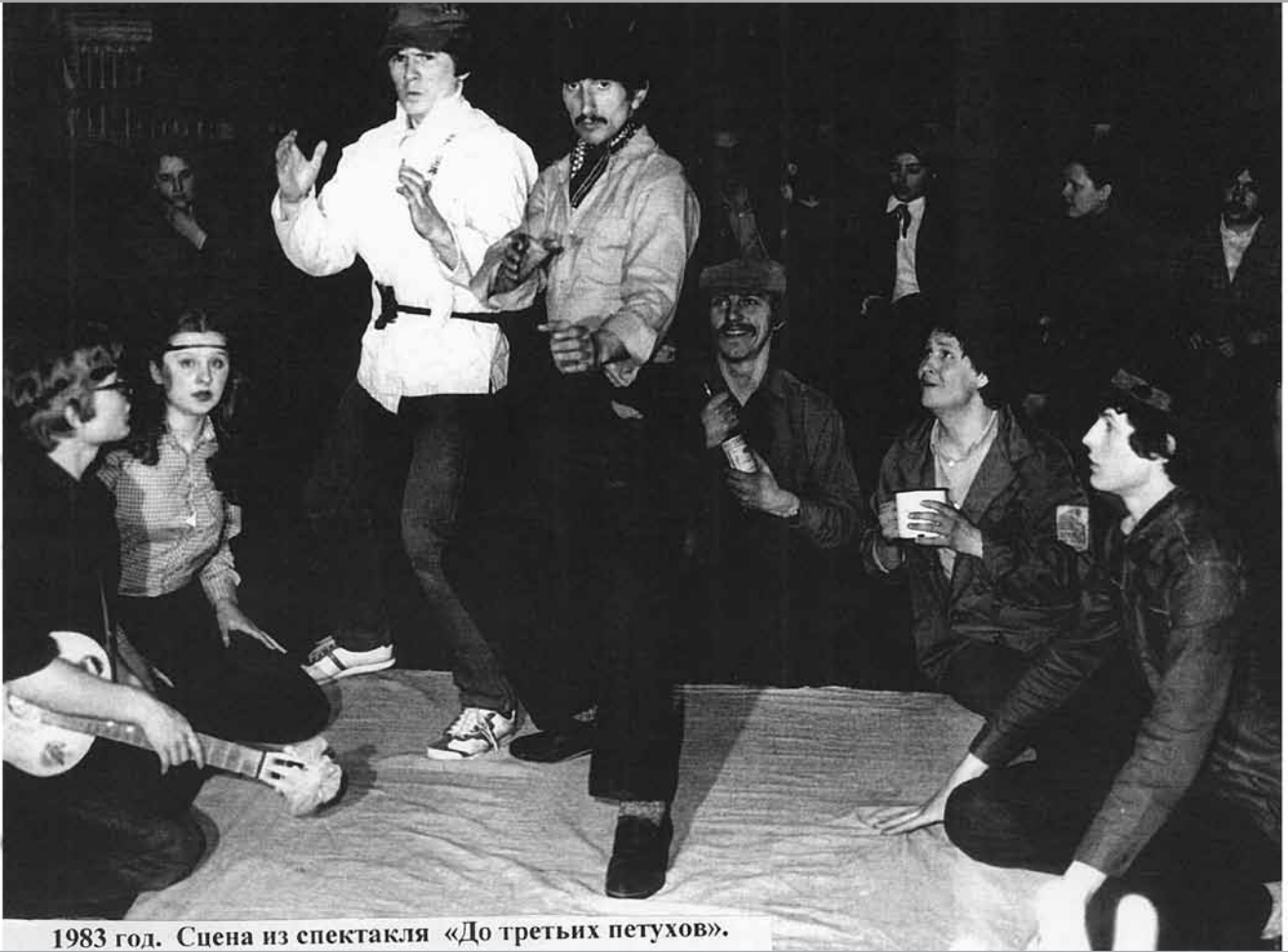

2011 год. Олег Богаев «Марьино поле». Сцена из спектакля.

2006 год. Спектакль по роману И. Гончарова «Обыкновенная история», который у нас назывался «Необыкновенная обыкновенная история». Сценическая версия Валентины Просекиной.

Необыкновенная
обыкновенная
история

1983 год. Сцена из спектакля «До третьих петухов».

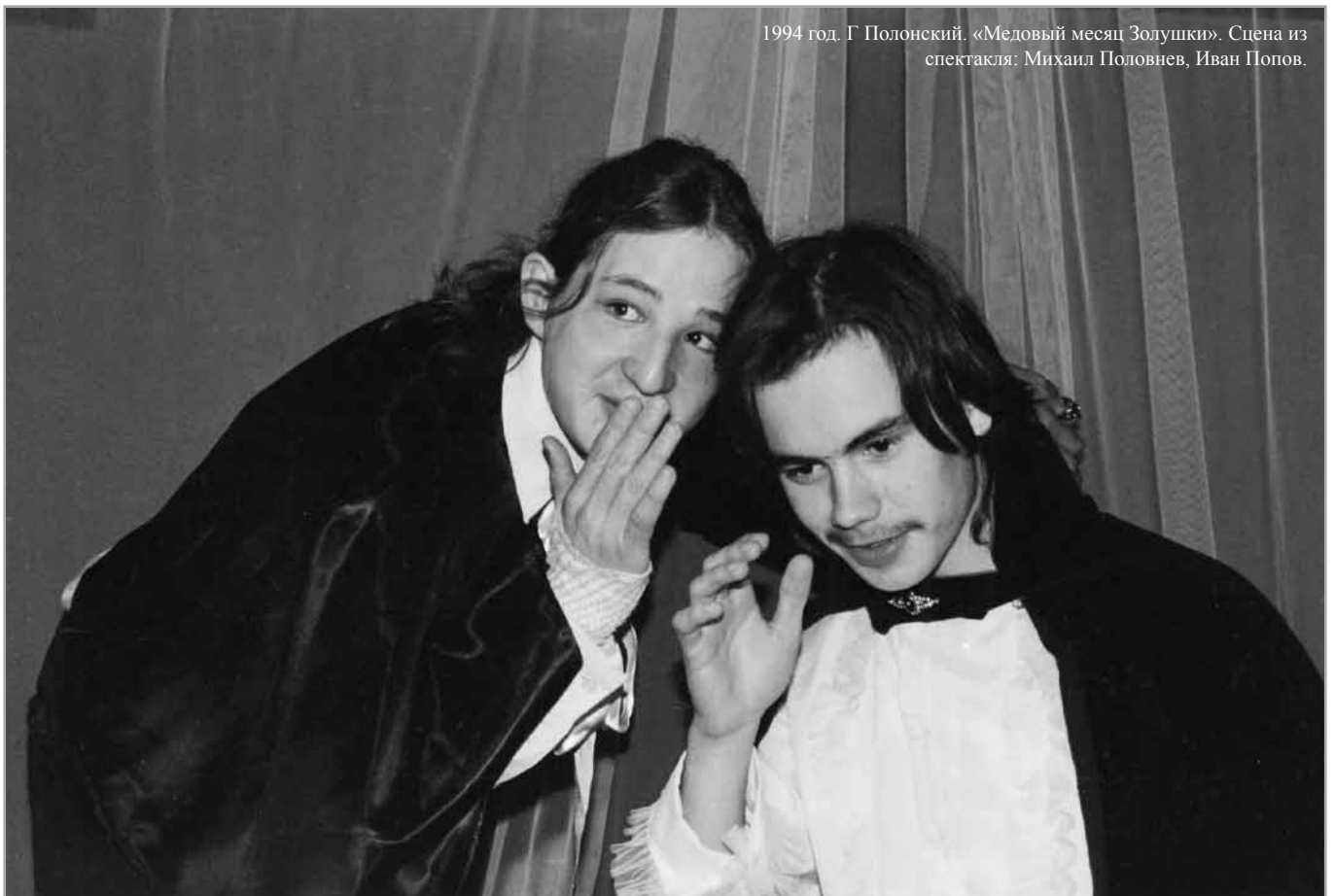
1987 год. Участники публицистического спектакля «Глоток чистой воды».

1988 год. Спектакль «Маленький принц»
(афиша – художник Любовь Цивковская)

1997 год. И. С. Тургенев «Месяц в деревне». Сцена из спектакля: Юлия Корытная, Ирина Сытник, Алексей Деккер.

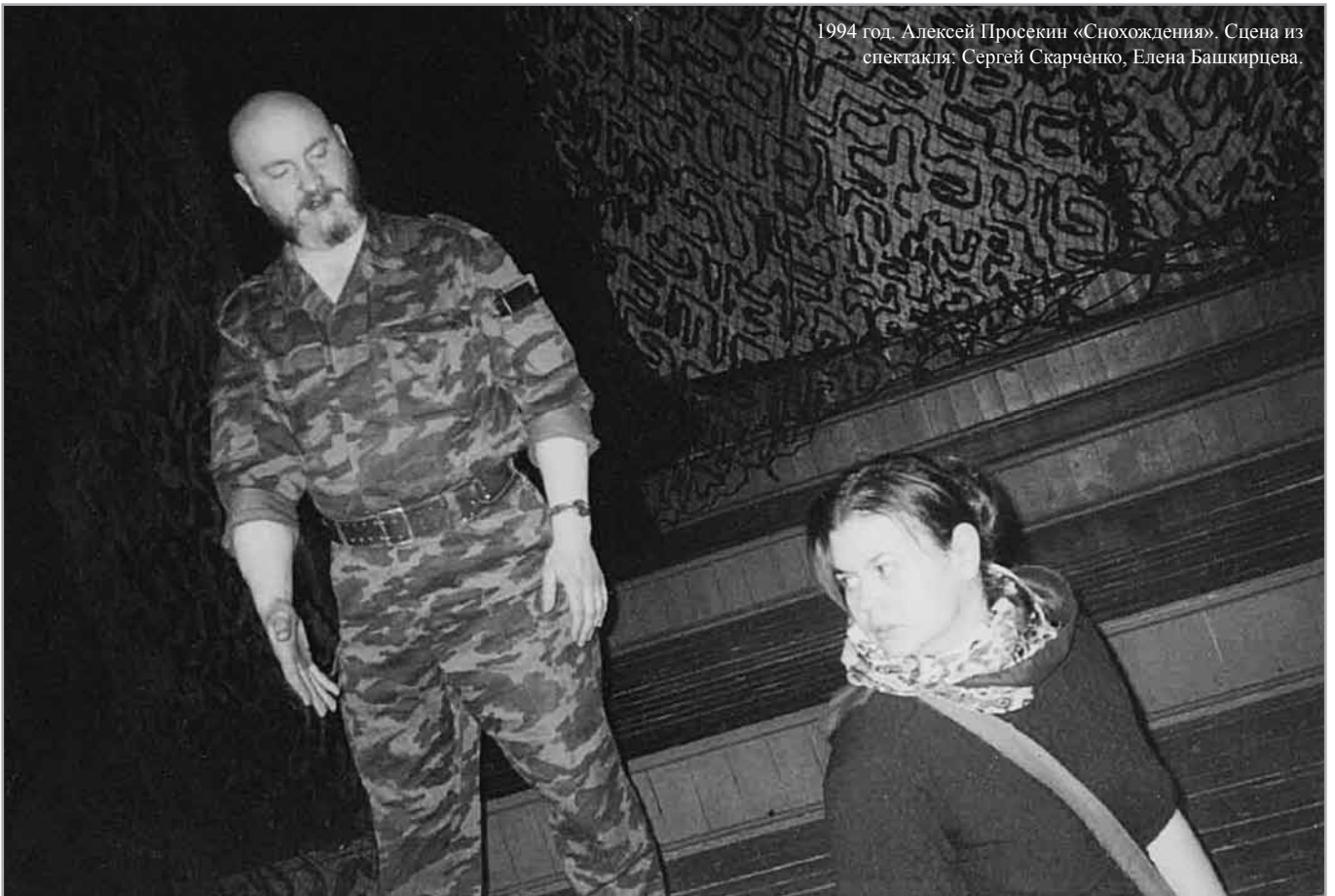

1994 год. Г. Полонский. «Медовый месяц Золушки». Сцена из спектакля: Михаил Половнев, Иван Попов.

1999 год. А. П. Чехов «Чайка» в роли Константина Тrepлева – Марк Дёров

1994 год. Алексей Просекин «Снохождения». Сцена из спектакля: Сергей Скарченко, Елена Башкирцева.

Н. Назорнов «Суперстена»

**Орлов 3-Максим Чупышев,
Галина-Екатерина Шестопалова,
Левченко-Алексей Кожевников.**
-Судьба?
-Да, это судьба!
**-Сегодня две недели как мы
знакомы.**
-Ты где две недели шифруешься?
-Ты никому не нужен...

2001 год. Спектакль «Суперстена»

2005 год. А. Грин, сценическая версия
В. Просекиной «Алые паруса»
Ассоль (в детстве) – Аня Савченко

«Снохождение». Сцена из спектакля:
Марина Шелест, Елена Башкирцева

ГЛАВА 4. О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Герой нашего времени на сцене «Диалога». Какой он и в чем ценность, пусть несовершенной, но сегодняшней пьесы, а также о дружбе с Георгием Полонским – современным автором, близким диалоговцам по духу.

«Классика... сказка... притча... Понятно. Вечные вопросы бытия, эзопов язык... замечательно! А вот комедия? Говорят, обхохочешься! Смешнее, чем у Петросяна с Винокуром. И современная пьеска имеется. Смотрел я ее. Думал, увижу человека в чем-то похожего на меня, услышу молодые голоса. Где там! Услышал слабый осипший голос и доносился он не со сцены вовсе, а как будто бы из шкафа, пропахшего нафталином.

Неужели о нашем времени и обо мне сказать нечего и некому?» – такие слова были вписаны в качестве эпиграфа к нашему вечеру молодых драматургов «О времени и о себе». И произносит их зритель, который хочет видеть на сцене современную историю.

Трудно сказать о времени и о себе, осмыслить новое время – время поменявшихся понятий и идеалов, но парадокс! Все редакторы журналов отмечают, что писать стали больше, чем раньше, и в этом потоке вновь написанного пьесы занимают не последнее место.

Но написать одно, а быть поставленным – другое. Театры, особенно в нашем городе, где чрезвычайно велик авторитет Вампилова, не спешат играть новоиспеченных Треплевых. Поэтому между театрами и авторами стоит непреодолимая стена. Вот мы и решили ее чуть подраскачать, сыграв отрывки из пьес молодых авторов, в основном иркутских. Вот что об этом говорят очевидцы:

«Давно живу в Иркутске. Всегда интересуюсь, что идет в театре – мимо не прохожу. Но такого зрелища не видел. И даже не мог предположить, что такое может быть. Сколько нужно мужества и отваги, чтобы прочитать совершенно незнакомого автора!»

театровед Виталий Нарожный

А вот что пишут по этому случаю в «Восточно-Сибирской правде»:

«...На камерной сцене академического драматического театра имени Охлопкова произошло событие, которого никогда не было в театральной жизни Иркутска. Здесь состоялся вечер молодых драматургов, тех авторов, которых сегодняшняя сцена старается не замечать. Но только ли сегодняшняя? Вспомним, какие препятствия пришлось преодолевать Вампилову, прежде чем была поставлена его первая пьеса «Прощание в июне», а лучшее своё произведение «Утиная охота» он так и не увидел в театре. Режиссёр театра-клуба-студии «Диалог» Областного центра народного творчества и досуга Валентина Просекина, которой принадлежит идея вечера, предоставила возможность девяти начинающим драматургам показать свои пьесы. Помогли ожить на сцене героям этих пьес любительские театры «Юность», «Диалог», «Предместье», «Бусинки», «Под знаком Водолея», «Точка зрения», «Эксперимент», театральный коллектив школы № 25.

Сценическое действие начиналось с пьесы «Чайка» Антона Павловича Чехова, с той самой сцены, в которой Треплев пытается показать свою пьесу новых форм, на-

званную Аркадиной декадентской. Но может ли форма определить содержание произведения?

«...Я всё больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых и новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льётся из его души», – так думал Чехов. В этом убеждены и режиссёры, взявшиеся в коротких отрывках показать путь, по которому идут сегодня молодые драматурги.

Драматурги, которые впервые увидели на сцене образы героев своих произведений, были взволнованы. Кажется, Андрей Богданов даже прослезился, услышав голос своего «доброего, милого мистера Бича», переживая момент перехода текста с компьютерного листа в заполненное живыми образами пространство сцены».

Автор Светлана Жартун назвала свою статью «Шанс на признание». И точно. Шанс нашим драматургам был дан. Мы с этой программой побывали на фестивале «Сцена Байкала», что проходил летом в Байкальске. Присутствовавший там педагог театрального института имени Б. Шукина В. Терещенко пригласил наших Андрея Богданова, Галину Деменкову и Алексея Просекина в Москву на Всероссийский конкурс драматургических работ. Пьесы наших иркутян были отмечены дипломами 1 и 2 степени.

Понятно, что такие вечера на пустом месте не возникают. Как-то так получается, что мне все время кто-нибудь да несет свои опусы для прочтения. А наша первая «диалогиня» Светлана Зубакова сейчас работает в журнале «Первоцвет», где была открыта рубрика «Подмостки», позволяющая молодым авторам публиковать свои пьесы. Ну и сам «Диалог» никогда не упускал возможности вывести на сцену современных героев, начиная со дня своего рождения и пьесы Ольги Кучкиной «Страсти по Варваре», спектакля по пьесе Алексея Просекина «Снохождение», «Похищение Сабинянинова» Петра Гладилина и премьерного спектакля по пьесе Олега Богаева «Марьино поле».

Однажды я наткнулась на длиннющий роман «Суперстена» молодого иркутянина Николая Нагорного. Там было много претенциозного, вычурного, но и часто прорывались страницы необычайно живые, наполненные чувством, душевным откровением. Знакомлюсь с автором, узнаю, что все это возникло на основе его дневников, которые он вел в 15 – 17 лет. Вот это и тронуло меня, так как в обычных произведениях об отроческо-юношеском времени мы видим не юного героя, а зрелого автора, ностальгирующего по юности.

Я сделала сценическую версию, в центре которой Андрей Орлов – максималист, переживающий и первую любовь, и первое предательство, и, конечно, огромное желание доказать всей Вселенной, что он что-то значит в этой жизни. Инсценировку прочитала ребятам, все дружно согласилось ее ставить. По-другому и быть не должно, так как в ней они увидели себя. Инсценировка удалась еще и потому, что переживания юного Орлова я ощутила со своими сыновьями.

В то время квартира была наполнена наутиловскими мелодиями: «Мы будем жить с тобою в маленькой хижине», «Где твои крылья», «Комната с белым потолком», «Апостол Андрей» и другие, к которым тоже можно было придраться по части стиля и, вообще, русского языка, что вначале я и делала. Но потом полностью приняла эти произведения, ведь их пела молодежь, находя в них то, что было нам, взрослым, непонятно. «Суперстена» была наполнена этими темами.

Спектакль шел в двух редакциях. Народ, можно сказать, валом валил на него. Но как ругались критики! Плохая драматургия, ненормальный герой, претенциозный сюжет, короче, падение театра. Разве можно после Тургенева, Булгакова, Вампилова это ставить? Находились и такие, которые предлагали организовать отряд добровольцев, который бы дежурил возле театра и спасал людей от дурного влияния и духовного разложения.

Этот спектакль был самым дешевым по оформлению, так как игрался в современных костюмах, а декорациями служили три полотнища из театральной сетки. Выгодный спектакль: одел и «Чайку», и «Зойкину квартиру», обновил «Месяц в деревне»! И все-таки, в чем тайна его востребованности? Драматургия-то ведь, и правда, так себе? Начнем с того, что молодой зритель приходит в театр не читать пьесу, а смотреть спектакль, который сам по себе – это совокупность многих слагаемых. Не стоит здесь перечислять – каких. Но и это не главное. Главное – душевное одиночество юного человека, которое, если мы что-то помним из юности, все проходили. Ведь и у нас было огромное желание, чтобы с нами поговорили на нашем языке, были бы к нам чуть внимательнее.

Отсюда исповедальная нота у актеров, отсюда тишина в зрительном зале, возникающая оттого, что каждый из присутствующих менее всего смотрит сейчас спектакль как таковой, а обращает взгляд в свою душу.

Многие смотрели спектакль по несколько раз, зрителей не убавлялось. Я уже не весело шутила, что скоро будут говорить о нашем театре: «А, «Диалог» – знаем! Это тот театр, где играют «Суперстену»». Наш театр грозил превратиться в театр одного спектакля. К счастью, его нельзя было играть долго – студии быстро выросли, уже через полтора года зритель это почувствовал: пропала та хрупкость, необычность, какая-то обаятельная нескладность, а вместе с этим искренность и доверительность.

1992 год. Мы под крышей Энергоколледжа. Появилась вторая, как мы ее назвали, Новая студия. Что ставить? Вечный вопрос. Попалась на глаза пьеса «Медовый месяц Золушки» Георгия Полонского, пьесы которого в 70 – 80-х годах довольно хорошо брали театры для постановок, по его сценариям ставились фильмы. Самый знаменитый из них – «Доживем до понедельника», и сейчас, спустя сорок лет после выхода на экраны, продолжает быть интересным, хотя школа пережила множество реформ, а его все смотрят и смотрят в преддверии каждого учебного года.

Второй раз я обращалась к этому автору. Первый раз дело было в Слюдянке, когда на защиту своего диплома я взяла его пьесу «Побег в Гренаду». Пьесу, написанную очень живым языком на непростую тему. В центре повествования – мальчик Леня Пушкарев, решивший сбежать на защиту слабых во Вьетнам, где тогда шла война. Этот поступок поняла классный руководитель Виолетта Львовна. Она помнит 1936 год, когда Испания, первая из стран, приняла на себя бой с фашизмом. Помнит, как туда бежали мальчишки; более того, у нее там погиб любимый человек.

Итак, на таких непростых поворотах судьба опять сводит меня с этим автором. Значит, необходимо во что бы то ни стало встретиться с ним, познакомиться. Но это было даже трудно представить: известный драматург, лауреат Государственной премии, работающий с известными театрами, актерами, режиссерами – вот кто такой Георгий Полонский. А кто мы? Да и живет он в Москве. Но переписка завязалась, ребята не раз были у него в гостях. И мы узнаем интеллигентного, доброго, удивительного собеседника, но, как ни странно, а это действительно так, в чем-то очень одинокого человека, для которого дружба с нами значила немало.

К сожалению, по моей вине наша переписка не всегда поддерживалась, часто прерывалась. Мне казалось, что жизнь долгая, еще не раз встретимся, поговорим, напишем друг другу. А в 2001 его не стало. Остается только перечитывать его письма. Как это грустно.

«Уважаемая Валентина Семеновна! Дорогие участники театра-студии «Диалог»!

Большой симпатией, и вообще – целым букетом положительных эмоций хочу Вам ответить на милое, сердечное приглашающее письмо, но, в первую очередь, на самый факт постановки «Медового месяца Золушки».

...необыкновенно радостно пообщаться с молодыми людьми, которые увидели в твоём сочинении возможность сказать то, что они сами думают о жизни, о любви, о предательстве, о политике. Ведь когда любители, люди бескорыстного творческого энтузиазма выбирают тот или иной повод для высказывания со сцены – это означает их солидарность с автором в каких-то фундаментальных мыслях и чувствах...

Валентина Семеновна, пусть Ваш сын, будучи в Москве, обращается по этому номеру без смущения (следует его домашний номер телефона). Надеюсь, не так я все же плох, чтобы грозила мне госпитализация в октябре, и я смогу принять его, побеседовать, подарить какую-то книжку свою. Буду рад».

*Удивительно располагают к себе лица на присланном Вами фото. Спасибо!
Ваш Георгий Полонский, 13.09.1994 г.*

«Милая Валентина Семеновна! Почему вы не отозвались на мое письмо, отправленное в 20-х числах декабря, насколько мне помнится? Тогда, откликаясь на Ваше предновогоднее послание, я испытал смущение, что опаздываю ответно поздравить Вас, Алешу, актеров «Диалога», участников «Золушки».

Надеюсь, Валентина Семеновна, Вы не будете отмалчиваться. Верно ли, что в 70-е годы Вы имели дело и с моей пьесой «Побег в Гренаду»? Тогда «спайка» еще крепче у нас, еще не случайнее. Жду успокоительных вестей о вашей семье, а еще лучше – и письма от Алеши. Всех вам благ!»

Георгий Полонский, 31 января 1995 г.

«Обратите внимание: про нашу жизнь, про ее качество, про перспективы ее люди мало говорят и не пишут друг другу. Сил нет, воли нет обсуждать все это. Соответственно, от драматургов не ждут и не хотят пьес про это. «Крыша едет». Не осталось надежды на художников, что они приостановят это или хотя бы осмыслят причины этого! Наоборот, очень многое в столичном репертуаре нацелено на задачу противоположную: чтобы «крыша съезжала», быстрее, легче и, по возможности, веселей! Зовется ли это «постсоцреализмом» или «постмодернизмом»! – мне это чуждо, даже враждебно. Содействовать расчеловечиванию человека? Увольте. Предпочитаю отмалчиваться: переписывать, илифовать, издавать свое прежнее и т.д.

...Спасибо за известие про фестиваль в Ангарске. Если сможете одухотворенно сыграть там «Медовый месяц З.» – с волнением за персонажей, за суть дела, а не с экзальтационной дрожью за себя, – если получится так, честь и слава всем вам, мысленные мои аплодисменты присоедините к тем реальным, какими вас наградят... Жду вестей об этом – да?»

Ваш Георгий Полонский, 3 апреля 1995 г.

...Уходят люди ...Их не вернуть.
 Их тайные миры не возродить.
 И каждый раз мне хочется опять
 От этой невозвратности кричать...

Эти евтушенковские строки пришли мне на ум, вспоминая хорошего автора и чело- века, которому уже нельзя написать, нельзя позвонить.

В наших взаимоотношениях есть еще одна, невидимая постороннему взгляду исто- рия. Когда я ставила «Побег в Гренаду» – про того самого мальчика, который бежал на войну во Вьетнам, то на спектаклях и репетициях часто присутствовал мой сын Алеша. Ему в то время было всего три года. Так вот – через 17 (!) лет после этой постановки на Кавказе вспыхнут локальные войны (потом их назовут горячими точками), и Алексей, будучи уже журналистом, но еще очень молодым, убегает туда. Вначале в Осетию.

Убегает. Пишу без кавычек, потому что так оно и было – придя домой вечером по- сле репетиции, прочитала записку о том, что уезжает он далеко и надолго. Как потом выяснится, на целый год.

А тем временем в письме от Г. Полонского читаю:

«Чем мальчика из Сибири удерживает Осетия? Горячо надеюсь, что Алешино по- нимание журналистского долга не погонит его, прости господи, в Чечню... Это лишь мрачная шутка, не бойтесь. Типун мне на язык!»

Какая там шутка! Все естественно и закономерно. Через несколько месяцев жур- налистский долг и, как я теперь понимаю, пьеса Полонского «Побег в Гренаду» погнали Алексея именно в Чечню. И был он там не однажды.

Но это еще не все - вскоре Алексей принёс в театр не что-нибудь, а пьесу под назва- нием «Снохождение». В ней он выразил свое отношение к чеченской войне. Что делать? Ведь это наш, доморощенный автор. Мы решили поддержать его, поставив спектакль по этой пьесе.

Но «Побег в Гренаду» не окончен. У Алексея появляется новая пьеса – «Расстрел». Это уже серьезная работа о людях, втянутых в войну. Молодому автору за пьесу «Рас- стрел» было присуждено первое место на Международной лаборатории драматургов «Премьера – 2006» и дипломы лауреата на лабораториях современной драматургии в городах Омске и Москве.

Возьмутся ли режиссеры за эту пьесу, сказать трудно. Но это уже другая история. А я сейчас про то, «как слово наше отзывается» в юных душах наших современников.

Гул затих. Я вышел на подмостки.
 Прислонясь к дверному косяку,
 Я ловлю в далеком отголоске,
 Что случится на моем веку.

Б. Пастернак

О времени и о себе

Размышления
у афиши театра
в городе N.....,б г.

в сценах из пьес:

- "Сны"
- "Ночной поезда"
- "Снохождение"
- "Рухнувший мир"
- "Добрый, милый мистер Бич"
- "7:0 в ее пользу"
- "Мальчик на крыше или дырявый зонтик"
- "Истории из жизни, придуманной на ходу"
- "Заброшенный дом" - участники

любительских театров города Иркутска

Часть вторая

"Диалоги"

- Ирина, нельзя так маташка, обращаться с молодым самолюбием
- Он сам предупредил, что это шутка. Теперь оказывается, он написал великое произведение...
- Не знаю, быть может, я ничего не понял, или сошел с ума, но пьеса мне понравилась.
- В ней что-то есть...*

Свободный диалог об увиденном

и прочитанном между авторами, режиссерами, актерами, зрителями...

* А. П. Чехов "Чайка"

Часть первая

"Знакомство"

- Нужны новые формы...
А если их нет, то лучше ничего не нужно.....

-...Я все больше и больше прихожу к убеждению, что дело не в старых, и новых формах, а в том, что человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души."

Роли исполняют:

- Константин Трелле
- Ирина Николаевна Аркадина
- Нина Заречная
- Евгений Жаров
- Сака Безменова
- Анна Нордманна

Режиссер (просто режиссер) - Валентина Просекина

В роли Константина Трелле - молодые драматурги:

- Илья Выхвал
- Анна Царфа
- Алексей Просекин
- Таша Деметрова
- Андрей Богданов
- Сергей Чернышев
- Владимир Еселевич
- Екатерина Мухомова
- Андрей Саволов

Зритель (ему примерно 20 лет)

Классика.... Сказка....Притча...
Понятно. Вечные вопросы бытия, эзопов язык...замечательно!...
А вот комедия. Говорят, обхо- хочешься! Смешнее, чем у Петросяна с Винокуром...
И современная пьеска имеется. Смотрал я ее. Думал увижу человека в чех-то похожего на меня, услышу молодые голоса...
Где там! Услышал слабый ошипный голос и доносился он не со сцены вовсе, а как будто бы из какого-то ветхого шкафа, пропахшего нафталином...
Неужели о нашем времени и обо мне сказать нечего и некому?

Программа вечера молодых драматургов по теме «О времени и о себе».

ГЛАВА 5. РОСКОШЬ ОБЩЕНИЯ

Автор поведаёт о встречах в театральном клубе, о человеческом общении, которое Антуан де Сент-Экзюпери назвал «роскошью», а роскошь – это изысканное излишество. А раз излишество, то можно обойтись и без него. Вот мы сейчас и обходимся, то есть не хотим жить роскошно. А почему?

В то далекое время, когда все казалось по силам, включили мы в понятие «Диалог» слово «клуб». А что это такое? Мне не раз приходилось слышать, что это не совсем соответствует высокому слову «театр», позволяет людям относиться к нам снисходительно, подчеркивает нашу самостоятельность. Что здесь возразить?

Ну, во-первых, нас трудно назвать самостоятельностью. Кто знаком с нашими спектаклями, так не считает, но и не профессионалы мы, тоже всем ясно. Мы театр со своим репертуаром, зрителями, помещением, осветителями, звукооператорами, уроками по театральным дисциплинам и даже распространением билетов, бухгалтерией. Такой подход к делу требует особого профессионализма, но, конечно, мы с улыбкой читаем те отзывы, в которых нас иногда называют профессионалами. Хотя факт, что некоторые из участников по каким-то критериям могут иногда равняться с профессиональными актёрами, не исключается.

Возникновение клуба в театре отнюдь не занизило наш статус с профессиональной точки зрения. Напротив, клуб – это встречи, это приглашение в гости актёров, режиссёров, музыкантов, поэтов, художников. Клуб – это вечера творческих заявок, это и вечера-бенефисы, посвященные кому-нибудь из участников, на которых мы можем выразить ему свою признательность, поблагодарить за все хорошее, что было с ним связано. Театральный клуб – это общение, взаимодействие людей щедрых, неравнодушных, обожженных какой-то идеей, делом, творчеством.

Антуан де Сент-Экзюпери назвал человеческое общение роскошью. Это очень точное определение. А что такое роскошь? Это изысканное излишество, то есть то, без чего можно, в общем-то, и обойтись. Театр не перестанет существовать, тем более что изысканное излишество дорого стоит.

Когда я говорю о цене, то не всегда надо переводить это слово в купюры. Мы организуем встречи так, чтобы это было интересно, событийно, взволнованно для обеих сторон: для тех, кто на сцене и для тех, кто в зрительном зале. Естественно, в такие дни наш театр переполнен чуткой благодарной аудиторией, а это сделать не так-то легко, и времени для этого нужно немало. Вот это-то дорогого стоит. Творческие люди часто одиноки. Для них выйти на сцену и увидеть десятки внимательных глаз, которые будто всю жизнь только их и ждали, только о том и думали, когда же такая встреча произойдет, – мечта, праздник.

Поэтому мы не встретили отказа ни у актёров В. Венгера и А. Рыбаковой, ни у режиссёров С. Казимировского и В. Кокорина, ни у артистов театра им. Загурского – участников программы о творчестве М. Цветаевой, ни у талантливого барда из Ангарска С. Зиннера, ни... да что перечислять! Никто из них за эти годы ни разу не отказался от участия в таких клубных встречах. И даже не намекнул о какой-либо оплате.

Как ни странно, смена строя, когда не принято было за что-то платить, на строй, когда за все надо платить, на наши взаимоотношения не повлияла – будь то известный артист, писатель, ученый или просто человек какого-нибудь интересного увлечения. Например, в свое время у нас была встреча со спелеологами, которая тоже очень органично вошла в наши театральные встречи. Все приходили к нам с радостью. Ну а что касается любительских театральных коллективов, то, пожалуй, я не припомню ни одного из них, кто бы ни побывал на наших клубных встречах. Многие приезжали со своими спектаклями, делились творчеством.

Клуб – это замечательная форма для тех, кто еще не известен, но полон желания творить, быть выслушанным, быть понятым. Клубная встреча – это всегда что-то неожиданное, ведь очень часто участник не может полностью раскрыться в рамках спектакля. Так появились вечера Виталия Лебедева, совершенно необычные по форме, где все слилось: и песня, и стихотворения, и появление каких-то персонажей. Совершенно с новой стороны мы узнали Фарид Мухомедшина, который продемонстрировал нам на одном из вечеров свои документальные съемки. А однажды пять диалоговцев вдруг разразились стихами – «Каскад стихий, и тишь, и смех природы».

С нашими творческими вечерами мы побывали во многих библиотеках города, в литературном клубе Сибирского энергетического института, в школьных и студенческих аудиториях, в Доме литераторов, в выставочном зале ОЦНТ и Д, в воинских частях, встретились с курсантами высшего училища МВД и т. д.

Передо мной газета «Советская молодежь» за февраль 1985 года. В ней статья Александра Кошелева «Роскошь общения». Не привести отрывки из нее просто невозможно:

«Шли мы росяным утром с младшей дочерью. Возле ручья лагерь увидели: костерок горит, завтрак варят. «Здравствуйте!» – «Здравствуйте!» Дальше идем по ручью – еще лагерь, там уже завтракают. «Здравствуйте!» – «Привет! Чайку с нами?» – «Да нет, мы еще не поработали...» Когда мы отошли, дочка спрашивает: «Пап, откуда ты тут всех людей знаешь?» – «Да я и не знаю их вовсе...» – «Как, а здороваешься, почему же?!»

Вспомнилось мне это недавно, когда члены любителей книги Сибирского энергетического института пришли в «Диалог». Только открыли двери Дома культуры и техники, как на встречу сразу же: «Здравствуйте! Проходите, пожалуйста» – и такие приветствия с улыбкой звучали на всем пути до раздевалки, а потом до зала.

Говорят, что театр начинается с вешалки, но «диалоговцы» начинают его уже от входной двери, и когда зритель – нет, он не зритель, он гость, именно так! – усаживается на свое место, то он уже доброжелательно настроен к тому, что теперь будет. Он уже готов к диалогу с прекрасным. Он уже вступил в этот диалог.

...А выходя – «До свиданья! Спасибо! Приходите к нам почаще!»

Итог – даже в темный, зимний, морозный вечер, зрители выносили с этих встреч такой заряд душевного тепла и яркой радости, какого, пожалуй, не бывает ни в кино, ни в цирке, ни в «обыкновенном театре».

Искрящийся под фонарями свежий снежок, освещенный витринами магазинов центральной улицы, длинный салон игрушечного автобуса, а потом тишина Академгородка – все это воспринималось как продолжение встречи с прекрасным».

Читаю эти строки и поражаюсь, как чисто и красиво, бескорыстно и щедро мы стремились жить. Просто создавали какую-то землю обетованную. Кстати, так назвал свою статью о «Диалоге» Леонид Владимирович Безпрозванный – режиссер любительского театра «Чудак» из Ангарска.

«Есть во Вселенной, на планете Земля, маленький уголок, который обладает особой притягательной силой... Театр-клуб – это примечательное явление на карте нашей культуры. И примета времени, когда общение в дефиците (а другие считают, что его, напротив, много, но мало – пригодного для души)».

Газета «Сибирская рампа», март 1989 г.

Все эти годы клуб не переставал работать, но такого полета мысли, творческой фантазии, вкуса в составлении программ, жажды познания, как в первое десятилетие, к сожалению, не наблюдалось. Почему?! Почему не нашлось человека, подобного Ирине Шишкиной, прекрасно знающей и умеющей пропагандировать литературу самых высших образцов? А когда мы решили провести вечер о Шекспире, то предложение Владимира Семенова читать сонеты на английском никого не ввело в шок, хотя знатоков этого языка четверть века назад было гораздо меньше, чем сейчас.

Конечно, наше общение на театральных вечерах по-прежнему приятно, но роскошью это назвать уже трудно. Нет той возвышенной изысканности, перед встречей с которой и самой хочется подтянуться, что-то прочесть, придумать, воспарить. Да и с творческими заявками тоже не густо. Зато появилось слово «тусовка». Да это и не слово вовсе, это – явление. Естественно, досуг молодежи и «тусовка» связаны воедино. И когда вдруг в театр приходит молодой активный человек, он сразу же пытается организовать что-то вроде тусовки. Все получается весело, даже мило, с танцами, викторинами, играми. И кто-то со стороны, случайно оказавшийся у нас, даже восхитится, какая молодежь. Надо же, не пьет, а такая веселая.

Хотя относительно недавно «Диалогу» удалось организовать вечер, выходящий из ряда вон. В театре им. Н.П. Охлопкова, в рамках движения «Алые паруса», собрались для общения творческие, талантливые, молодые драматурги. Вечер назывался «О времени и о себе», который я описала в предыдущей главе. Или вечер-бенифис Саны Безменовой. И праздничные вечера под названием «Диалог длиною в четверть века» были по-настоящему творческими и красивыми. Значит, все еще возможно. Значит, мы ещё будем роскошно жить!

Хороший эпиграф мы взяли для нашего первого пригласительного билета на клубные встречи:

Удел наш – музыке людских творений
И музыке миров внимать любовно,
Сзывать умы далеких поколений
Для братской трапезы духовной

Г. Гессе

Нелишне здесь добавить и то, что за программу «Театральный клуб «Диалог» как центр поддержки творчески одаренной молодежи» в марте 1999 года нам был вручен Губернаторский грант 1 степени.

Дорогие друзья!

Нашему театру скоро исполнится 13 лет, и почти все это время при нем действовал театральный клуб, который является для нас с вами местом встреч талантливых и мудрых людей.

Но из-за отсутствия помещения года на 3 работа театрального клуба была прервана.

И вот сейчас, когда зажглась рампа в нашем новом помещении, мы вновь приглашаем вас в наш театральный клуб.

Итак, знакомьтесь:

Сергей Прокопчук ----- художник-фантаст,

Александр Ощепков -- автор-исполнитель песен,

Николай Нагорнов ----- прозаик,

Алексей Шманов ----- поэт,

Анатолий Дмитриков ----- художник,

Фольклорная группа братьев Бухаровых.

СЕРГЕЙ ПРОКОПЧУК

кандидат физико-математических наук. Более 20 лет назад начал заниматься живописью. Многие работы komponует в слайдофильмы. Слайдофильм «Манфред» на музыку П. И. Чайковского был сделан в содружестве с оркестром Иркутской филармонии. С. Прокопчук неоднократно был участником и дипломантом Всесоюзных выставок и фестивалей.

АЛЕКСАНДР ОЩЕПКОВ

... эти таинственные А. О... Берем на себя смелость представить вашему вниманию нашего нового знакомого-исполнителя авторской песни. Надеемся, что его творчество станет открытием.

АНАТОЛИЙ ДМИТРАКОВ

по профессии художник-дизайнер. Он дорог нам уже тем, что выразил свою любовь к театру через сценографию и актерскую игру в любительских театральных коллективах Братска и Иркутска. Долго искал свой путь, свое направление в живописи и, наконец, создал художественную школу «Этика Белого солнца». О себе говорит: «Я — художник в кубе». Что это? Спросите у него...

НИКОЛАЙ НАГОРНОВ

опубликовал первый роман под названием «Суперстена», над которым начал работать еще в юношеском возрасте. С выхода в свет романа прошло 5 лет и все это время — «ни дня без строчки», но fortuna не спешит вернуться к писателю. Сегодня Николаю Нагорнову исполняется 30, и может быть... может быть...

АЛЕКСЕЙ ШМАНОВ

поэт, прозаик, драматург. В свободное от творчества время занимается столярными работами. Принимает заказы на изготовление дверей и рам. Каждая 10-я дверь с личным посвящением автора!

СЕРГЕЙ и АЛЕКСАНДР

В городе Иркутске жили-были братья СЕРГЕЙ и АЛЕКСАНДР. Занимались чем попало, жили — не тужили. Но угораздило однажды Александра запеть, и не как-нибудь, а ровно так, как певали деды и прадеды на берегах Ангары. Затужили братья: с кем петь-то будем? И создали они фольклорную группу... Ей не грозит потерять крышу над головой или запеться в теплом помещении. Их крыша — сибирское небо, смена — сибирские просторы, а зритель — мы — великий сибирский народ! Так-то.

1994 год. Программа встречи в театральном клубе.

После встречи в театральном клубе.

ГЛАВА 6. АЛЕКСАНДР ВАМПИЛОВ

О сильной любви иркутских театроведов к творчеству Вампилова, которые решают, кому дозволено прикоснуться к «бесценным страницам».

Как-то я и еще несколько человек принимали спектакль по пьесе Александра Вампилова в одном из студенческих театров. По правде сказать, спектакль был слабым, но в нем не было кривляния, а исполнительница одной роли была просто замечательная. Одна из дам, «вампиловед», этот спектакль с высоты своего опыта так раскритиковала, что после такого, я уверена, эти ребята, боясь обжечься, никогда больше не раскроют книжки нашего талантливого земляка. Я, конечно, как-то пыталась исправить дело – отметила хорошее, выразила надежду, что спектакль будет доработан и т.д. Мне что-то удалось, но только немного.

Вампилова ставить нужно хорошо – это аксиома. Лучше очень хорошо. Тем более что у нас в Иркутске мало кто не знает, как ставить Вампилова. Но как поставить Вампилова, чтобы всем угодить, «кто знал Сашу»? Это невозможно. Лучше его не открывать совсем. И не читать. Ударение не на том слогое сделаем. Засмеется зритель не там, где нужно. Или, не дай бог, пропустим какую-нибудь реплику.

И, вообще, не будем произносить это имя всуе. А молодым, да еще не профессионалам, так и вовсе за него браться не стоит. Есть же КВНовские сценки, капустники. Да и в профессиональном театре тоже не место Вампилову. Сильно уж режиссеры смелые, все им нипочем. Нет, нет, и еще раз нет! Давайте бережно хранить его книги на самых недоступных полках! А чтобы все-таки никто до них не дотянулся, лучше вообще убрать их и спрятать. И у нас такие дамы бывали. Разговоры вели тяжело и тоскливо, иногда со слезой на глазах и дрожью в голосе. Такое впечатление, что они пожизненно присутствуют на похоронах драматурга.

Но приближается день его рождения. Опять достала его пьесы, рассказы и пошла к ребятам, которые только что пришли заниматься в студию. Естественно, имя Вампилова они слышали, но (за редким исключением) никто даже не видел его книг. Как ни странно, после того, как прочтешь с ними вместе несколько страниц, читают сами охотно и быстро, с желанием берутся за роли. Двадцать с лишним лет время от времени я проделываю со студийцами один и тот же путь, правда, каждый раз по-новому, – от первого раскрытия книги до спектакля.

Опять придут «вампиловеды». А может, не надо? Пусть они с любимой книжкой побудут дома в полной уверенности, что наступило, наконец-то, такое время, когда никто не смеет прикасаться к бесценным страницам. И точно, пусть побудут дома или в благоговейной тишине посидят на берегу Байкала. А мы пригласим друзей, знакомых, родных, будем говорить и спорить, пристраивая поступки Колесова, Валентины, Бусыгина и других героев Вампилова к своей душе. И это будет хорошо.

«На сцене, освещенной контуром, появляется человек и начинает играть на кларнете... Кларнет заканчивает играть, и он выходит на середину сцены: вдруг раздается шквал оваций, с балкона к его ногам летят цветы. Так начинается спектакль замечательного театрального коллектива «Диалог» «Все люди – братья», созданного по фрагментам пьес А. Вампилова. В зрительном зале было очень много поклонников «Диалога»,

и так получилось, что к концу спектакля актерский полукруг на сцене сомкнулся с первым рядом зрительного зала. Это было прекрасное ощущение территории любви, которую подарил нам наш талантливый земляк Александр Вампилов и воплотил на сцене коллектив народного театра «Диалог»».

А. Булдаков, Заслуженный артист РФ

«Вампиловский «Старший сын» или «Все люди – братья» в постановке Валентины Просекиной из Иркутска обратил на себя внимание идеей, заложенной в постановку режиссером театра «Диалог». Все люди – братья, это призыв к нам, живущим порой по законам, далеким от человеческого существования, забывшим основы житейской мудрости, отринувших любовь и веру к ближнему, порядком уставших от проблем и накопившихся обид. И этот режиссерский посыл, открытая и невостремленная любовь к ближнему прозвучали и в исполнении роли Сарафанова (Родион Хайрутдинов) и его дочери Нины (Ольга Яковлева) и Бусыгина (Алексей Деккер), так легко и невзначай вошедшего в этот дом и понявшего простую истину – все люди связаны одними невидимыми кровными узами, но в силу разных обстоятельств забывших или пока не осознавших это».

«Встретить человека», газета «Третье сословие», № 5 1998 г.

Над произведениями А. Вампилова всегда интересно работать. Вспоминаю «Дом окнами в поле». Удивительно то, что мы несколько раз играли этот спектакль вместе с усольчанами (режиссер Наталья Колпакова): они в первом отделении, мы во втором. Зритель смотрел и слушал одну и ту же историю дважды. И было интересно. У усольчан – все по-настоящему: выгородка деревенской избы, героиня, как и указано у автора, гладит белье и т.д. У нас – пустое пространство. Звучит песня, выходят девушки и выкладывают из яблоневых веток круг. Он сплетен из пересудов односельчан. Но это и круг-венок, в который Лидия хочет залучить Третьякова. Сначала круг довольно широк, а потом в него помещаются только двое, и они стоят, крепко обнявшись, а вдали звучит песня «Услышь меня, хорошая».

«...Вампилов труден. Но не для ребят. Потому что смелые. Они сразу откинули привычное течение спектакля.

Начнем с того, что никто толком и не заметил, как начался спектакль. Ребята долго готовились, перебежали, советовались с режиссером – Валентиной Просекиной. Сцена была разделена на две половины прозрачным занавесом, который разграничивал наш, привычный и современный мир от мира того, далекого. Мира Вампилова. Из-за этой стены, словно что-то поправляя (в последний момент, перед спектаклем!), вышла девушка (Елена Брянская). Стала перебирать сваленные кучей журналы. Зал привычно беседовал, не замечая ее. Но она все перебирала. Настойчиво и незаметно. Так Вампилов входит в мир человека. Почти каждый знает это имя, оно существует рядом с иркутянами, но все как-то недосуг...

Вампилов входит в наш мир только одним касанием, строчкой – и уже не можешь забыть. Зал замер, не понимая, когда же, наконец, выйдет кто-то, кто объявит: «Спектакль начался!» Когда Вампилов поразит «в лоб». Никто не вышел, а спектакль тихо, по-домашнему уже вливался в зал. Это был еще не Вампилов. И это был уже Вампилов...»

Юлия Сергеева, «Прощание в июне» в театре «Рампа», 02.07.2001 г.

ГЛАВА 7. ТРУБА ЗОВЕТ!

В этой главе автор хочет ответить на вопрос – мешает ли борьба стать поэтом? Не всегда. Ведь «Словом можно убить, словом можно спасти, словом можно полки за собой повести»!

Вот уж никак не думала до февраля 2006 года, что меня вновь позовет «труба». Позовет второй раз на защиту Байкала. Труба – это строящийся нефтепровод, один из участков которого должен был пройти почти по берегу Байкала – в 800 метрах от него.

А 19 лет назад... В 1987 году Правительство, ЦК КПСС и Совет Министров СССР (выше этих инстанций в то время был только Бог) издают постановление о строительстве трубопровода для отвода так называемых «очищенных» сточных вод с Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) в реку Иркут. Казалось бы, здорово! Правительство заботится о Байкале. Отработанные воды вредного производства не будут загрязнять Байкал. А аэровыбросы? Как их отводить? Да и воды Иркуты тоже будут загублены и такими впадут в нашу красавицу Ангару.

Любому нормальному человеку понятно, что за этим постановлением стоит не отвод воды, а отвод общественного мнения от проблем БЦБК. Соответственно, работа закипела: начали разрабатываться проекты строительства трубы, вырубается просека и т.д. Труба бы была построена, но это был уже конец 80-х. Настало то время, когда зажатая постановлениями, директивами, цензурой свобода слова и потребность поступка искала выход – искала возможность изменить явный абсурд.

До нас стали доходить слухи (в газетах об этом не писали) о каких-то людях, собирающих на вокзале подписи под петицией «против трубы». Этих людей не раз арестовывали. Потом мы познакомились с этими «сумасшедшими» – Владимиром Наумовым, сотрудником Сибирского энергетического института и Анатолием Сосуновым, бывшим комсомольским работником. Потом начали просачиваться на страницы газет высказывания Валентина Распутина и Игоря Широбокова.

Летом 1987 года мы решили вступить в борьбу. Собирали материалы, ездили на БЦБК, говорили с учеными людьми, с писателями, поэтами. А осенью этого года в Дом культуры завода им. Куйбышева на спектакль «Глоток чистой воды» потянулся народ: тут были писатели, художники, общественные деятели, диссиденты. Конечно, и сексоты (попросту «стукачи») тоже были. За исключением последних, это были замечательные люди.

Но попадались и такие, которые полученные в процессе борьбы за Байкал дивиденды использовали для продвижения по карьерной лестнице, чтобы потом, продвинувшись по службе, бесследно исчезнуть. Кстати, кто знает, где сейчас находится широко известный господин Фильшин?

Итак, мы показываем спектакль. Не просто спектакль, а такой, который заканчивается мини-митингом. Финал спектакля: на экране виды Байкала, и как бы оттуда с берега Байкала на сцене появляется девочка с кувшином воды. Потом эта вода оказывается в стаканах и подносится зрителям. Волнующий момент: десятки рук тянутся к воде, люди хотят утолить жажду этим глотком чистой байкальской воды, многие не могут сдержать слез, а потом эмоции вырываются наружу. Зрители взахлёб рассказывают о своих реках и

озёрах, загубленных человеком, а главное, они в едином порыве просят: «Запишите нас! Куда приходиться?! Что делать?!».

Это сейчас свои подписи ставят направо и налево – свобода! А тогда... Каждый раз с утра кто-то звонил директору Дома культуры З.Н. Артеменко и предупреждал её о персональной ответственности за происходящее. Каждый раз она просила меня не играть этот спектакль. Каждый раз среди выступающих после спектакля всегда находился человек, который говорил, что факты, которые мы озвучиваем, ложные. Не раз мне говорили, что я, как режиссер, больше никогда не найду в этом городе работы. И, наконец, однажды у нас появились пожарные и закрыли помещение.

Тогда комитет «Движение в защиту Байкала» принимает решение о проведении митинга, который перерастет в демонстрацию. Естественно, и митинг, и демонстрация не были санкционированы.

Кто даст санкцию на митинг, где будет оглашаться петиция «против» Постановления ЦК и Совета Министров? И всё-таки митинг и демонстрация прошли! Участники нашего театра шли вокруг колонны с флажками, которые мы изготовили ночью, чтобы избежать каких-либо случайных столкновений и провокаций.

На следующий день надо было явиться в обком КПСС и там держать ответ. Потом мой директор скажет, что она из-за этого спектакля потеряла десять лет жизни. Ну не думаю, что это было для нее так серьезно, тем более, что театр опечатали и играть спектакль мы стали там, куда нас приглашали беспокойные люди. Тоже, кстати, на свой страх и риск.

Мы играли спектакль в Ангарске, Слюдянке, в Сибирском Энергетическом институте и еще где-то, сейчас уже не помню. Полгода длилась эта напряженная вахта. Наконец, в марте 1988 года постановление было отменено. Дорогой ценой далась нам эта победа. Ведь все это время в газетах и по радио ничего не печаталось, но на площади стояли люди с транспарантами и другими разъяснительными материалами, стояли в мороз, и в дождь, и в снегопад. Проходили разного рода экологические вечера, научные конференции. Не раз мы сами ездили на берег Байкала. Там очень быстро вырубалась просека, кстати, рабочими из Башкирии, которые, завидев нас, всегда прятались. Мы делали фотографии, приносили их на пикеты, а вечером на спектакли.

И вот год 2006-й. И новый безумный проект – новая труба, нефтепровод, в 800-х метрах от Байкала! И опять возникает «Движение в защиту Байкала». Рядом с прежними защитниками встали новые молодые бойцы, но и у бывших защитников еще «остался порох в пороховницах».

Молодежь театра «Диалог» тоже не осталась в стороне: разъяснительная работа в аудиториях, расклеивание листовок, сбор подписей, участие в пикетах у «Серого дома», наконец, участие в трех мощных митингах с демонстрациями. «Нет трубе!», «Труба Трубе!», «Россия, Сибирь, Байкал» – с этими лозунгами мы выходили на улицы и площади городов.

Третий митинг. Шествие многотысячной толпы от стадиона до памятника Александру III на набережной. Счастливые минуты единения подарили чувство, что каждый из нас что-то может. Шествие растянулось почти на полкилометра, но каждый был настолько близок друг к другу, что случилось необыкновенное: несколько секунд стояла

полная тишина и вдруг все одновременно выкрикнули: «Нет трубе»! Решением президента проект был пересмотрен, трубу перенесли на много километров от Байкала.

Кто-то говорит, что все это была хорошо рассчитанная пиар-акция. Для утверждения авторитета как президента, так и нового губернатора. Возможно. Но ведь народ-то не знал об этом. Он собирался всерьез и не думал шутить. Значит, все-таки МЫ – есть!

Как же точно и ёмко сказал об этом замечательный поэт, наш земляк, недавно ушедший от нас Ростислав Филиппов:

Какой ни есть, мы все-таки народ.
 Ну, не народ. Но все-таки не сброд.
 Ну ладно, сброд. Но все-таки живет
 Среди нас, хотя б один такой калека,
 Который хочет возвести в себе
 Высокий храм, достойный человека.

Но нет покоя в душе. В конце этого лета прошла по своему любимому пути – берегу Байкала от Темной Пади до Култука по Старой Байкальской железной дороге. Свалка на свалке. Так называемые туристы идут сюда нагруженные едой, пивом, водкой, а возвращаются налегке, обезобразив отходами священные берега. И опять звучат в душе строки Вознесенского:

Я ночью проснулся – Мне кто-то сказал:
 «Мертвое море – Священный Байкал...»

А тем временем в Иркутске в конце августа устраивают Дни Байкала: игры, песни, конкурсы. Сплошное веселье. А в Байкальске уже нечем дышать. Бесконтрольные аэровыбросы тоннами ложатся на землю, горят леса, высыхают реки. Все возможные ПДК уже превышены в тысячи раз!

«Который год на берега Байкала съезжаются из Европы и Америки гринписовские молодежные отряды, чтобы убирать мусор за местными жителями и многочисленными «любителями природы» – туристами.

Стыдно? Да, стыдно.

Ведь даже дикарями, как видите, нельзя назвать тех, кому посчастливилось жить и быть подле нашей природной святыни и, кто походя, я даже думаю, бессознательно оскверняет ее, будто это обычное отхожее место.

Не хочется даже и делать оговорки, что мол, не все такие. Эти «не все» плодятся с такой быстротой, что начинают уже занимать место всех.

Живущие подле чуда, получающие благодать и не понимающие, что им дается. Это не только стыдно, это страшно».

Валентин Распутин

А приостановленный на год БЦБК вновь начал работать.

За все время существования этой проблемы – БЦБК – был рассмотрен не один проект экологически безвредного производства. Буквально сейчас, работая над рукописью, в перерыве, включив телевизор, услышала, что на БЦБК подано в суд за грубейшие повышения предельно допустимых норм выброса вредных веществ в атмосферу и в Байкал. Они превышают допустимый предел в сотни и даже в тысячи раз! Кто выиграет в суде? Истец или ответчик? Кто бы не выиграл, все останется по-прежнему на долгие годы.

Почему? Однажды мы с сыном во время отпуска шли по берегу Черного моря в Анапе и неожиданно «наткнулись» на большой щит со стародавним текстом. Это был Указ Императора Петра I. Мне хочется привести его дословно:

«... Во время чищения кораблей всякий сор должно увозить, дабы ничего на дно не упало, а кто это учинит, ежели офицер, за всякую лопату сору первый раз лишается месяц жалованья, за второй на полгода, за третий будет оштрафован отнятием чина и записан в рядовые. А рядовых первый раз бить кошками один раз, второй по три дня, а третий отправлять на несколько лет на каторжные работы».

Хороший Указ. И при Петре I он делал свое дело наверняка.

Так мало энтузиастов, очищающих берега Байкала, но так много тех, кто оскверняет нашу землю. А ведь чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят.

ГЛАВА 8. СУПЕРПРОФЕССИЯ

Так называл книгу о профессии режиссер Марк Захаров.

С ним нельзя не согласиться. И все-таки, кем является режиссер для своих участников? Кумиром? Учителем? Учеником? Всегда ли мы своими спектаклями сеем «разумное, доброе, вечное»? Кто из персонажей моих спектаклей стал для меня, без кавычек и иронии, героем нашего времени?

Режиссер обладает огромной силой. Имея опыт, дар убеждения, методику проведения упражнений, направленных на раскрытие души и делающую душу воспитанников восприимчивой, податливой, даже загнипнотизированной, он может повести своего ученика куда угодно. Поэтому молодому человеку легко можно доказать, что зло – это добродетель, глубина души – порок, бескорыстный поступок – заблуждение, а честь и достоинство, по сравнению с успешностью, независимостью и свободой, – ничего не стоят.

Лидеру верят безоговорочно. Ему подражают, его образ жизни становится примером. Очень часто в таких молодежных коллективах, неважно, каким видом творчества занимающихся, руководитель становится кумиром. И ему ничего не стоит взять в работу для постановки пьеску, утверждающую, что человек – это ничтожная тварь, ради собственного благополучия жаждущий унижить и даже уничтожить других, и таков мир, и надо или смириться, или уйти из жизни или окунуться в бездну порока.

Мне не раз приходилось видеть спектакли с подобными идеями, которые с профессиональной точки зрения были замечательными: игра актеров, оформление, композиционная выстроенность. Но на какой зрительский отклик рассчитаны эти спектакли? В финале зрители, восхитившись игрой актеров и смелостью режиссера, аплодируют. Но потом они остаются с показанным один на один.

Спектакль начинает делать свое дело. Хорошо, если у человека (зрителя) есть чувство самосохранения. В таком случае, почуввав засаду, он уходит из зрительного зала или спокойно засыпает, а дома выключает, нарвавшись на подобное зрелище, телевизор. А если нет? Если он верит прессе и дорогому билету? А если он уже «подсажен» на просмотр дисков и спектаклей, имеющих такую же цель?

Вспоминается опять Станиславский. Он ввел в наш обиход такое понятие как сверхсверхзадача, которое, прежде всего, относится к художнику, режиссеру. Во имя чего ты, режиссер, занимаешься своим творчеством, – ставишь даже не этот конкретный спектакль, а все свои спектакли? На что ты используешь свои способности, между прочим, данные тебе свыше? Цель твоего творчества – какая? Доказать человечеству, что мир – дерьмо, человек – скотина, Бог и Любовь – выдумка, и только ты должен быть центром Вселенной, тогда надо идти вперед, не сомневаться, если это надо, то и по трупам и т. д.

В профессиональных театрах, если и появляется спектакль с таким посылом – победы, там играют профессионалы – они лицедеи. Они могут не верить в эти идеи, не менять свои жизненные ориентиры. Они могут это сыграть, искусно притвориться. Хотя и это не всегда так. Издержки актерской профессии в том, что часто человек – актер, прячась за личиной, теряет свой внутренний мир. Но это уже совсем другая тема. А актеры-любители, тем более молодежь, вступив в подготовку такого спектакля, да если он будет ставиться долго и серьезно, могут полностью поменять себя, родиться заново.

Думай – не думай, а получается, что режиссер – это Учитель, Гуру, Наставник. Что касается меня, то я не была таковой, организовав в тридцать с небольшим свой театр. Обучать навыкам актерского мастерства, речи, имея за плечами институт, творческие лаборатории, восьмилетний педагогический стаж – да, а вот поставить себя над участниками театра было трудно.

Я считала спектакль полностью коллективным творчеством. Первые пять лет в программах и афишах я даже не указывала своей фамилии. Но, тем не менее, спектакли азартно ставились и выпускались. Что мы искали в каждой пьесе, какой отзвук зрительного зала хотели услышать? Не было точных ориентиров. Коммунизм уже в то время не строился, но и перестройки никто не ожидал. Не случайно в то время после каждого спектакля возникали дискуссии. Хотелось общаться, выйти из внутренней оболочки, на примере поступков своих сценических героев понять себя и своих близких.

Мы тогда не открывали Библии, не знали «Нагорной проповеди», о десяти заповедях слышали только краем уха. Мы были лишены знаний того, что на протяжении веков было нравственной основой для немалой части человечества. Был моральный кодекс строителя коммунизма, но коммунизм, как я писала, тогда уже не строился.

Приходилось на ощупь искать дорогу. Но были хорошие книги, песни, пьесы. Их разбор, стремление понять не только головой, но и сердцем – вот то, что создавало нас и меня в первую очередь. А спектакли? Все понемногу, но выделить здесь необходимо такие: «Глоток чистой воды», «Маленький принц», «Старший сын», «Чайка», «Снохождение», «Алые паруса», «Марьино поле». Почему именно эти названия? Вместе они, как оказалось, составляют мою Библию:

– о верности, дружбе, заботе о близких, о бережном отношении к своей планете, об «ответе за тех, кого приручил» – это «Маленький принц»;

– о талантливых людях, как говорится, «богом помазанных», как им жить, как творить, как достойно нести свой крест – спектакль «Чайка»;

– о старшем сыне, о первородстве, о том, что именно старшие сыновья идут за отцами и продолжают их дело, об открытых душах, которые искренне верят с точки зрения прагматика в бредовую мысль, что «все люди – братья» – именно так называется кантата Сарафанова – спектакль «Старший сын»;

– о том, что человек «не мошка, ждущая кормежки», а сын Земли – далеко не худшее создание Всевышнего, и, значит, он сильный и он должен спасти Землю и Воду в наше время, когда над ними нависла смертельная опасность – об этом «Глоток чистой воды»;

– о силе материнства в мире, где забыта заповедь «не убий» – «Снохождение»;

– о воспитании души, о словах, которые не должны расходиться с делом, о верности любви – «Алые паруса»;

– цени все лучшее, что было в прошлом поколении твоей родословной. Иными словами, «чти отца своего и мать свою» – об этом «Марьино поле».

Эти произведения живут во мне, к ним вновь и вновь обращаются мои мысли в минуты какого-либо трудного выбора.

У каждого, наверное, в воображении существует своя волшебная страна, или Земля обетованная, или Беловодье, которое хотел найти Рерих. Мне представляется берег моря. Возможно, это Байкал, и там каким-то немислимым образом начинают общаться,

взаимодействовать Маленький принц, здесь же звучит кантата Сарафанова «Все люди – братья» и идет мать по берегу моря с пленным, которого она спасла, и девочка, сидящая у воды, в отблеске алых парусов. Здесь же такие простые и мудрые наши русские женщины, утверждающие, что смерти-то нет, особенно для ивановских жен и их мужей. Здесь в единении их душ, судеб, музыки, слов, снов и рождается Мировая душа, о которой писал Треплев в своей пьесе: «в упорной жестокой борьбе с дьяволом, началом материальных сил, мне суждено победить, и после того дух и материя сольются в гармонии прекрасной, и наступит царство мировой воли».

Что еще общего в этих спектаклях нашла я сегодня? Оказалось, в каждом из них есть герой. Не антигерой, а именно герой. Человек, который созидает. Многие могут на это скептически улыбнуться. Звучит как-то старомодно. Хватило этих героев-созидателей в советское время. Но что делать?

Героев хотелось видеть на сцене, хотелось об их жизни читать. Кстати, и в древнегреческом театре тоже выходил на сцену герой своего времени, и в эпоху Шекспира, и Просвещения. Хотелось видеть человека, который мог оставаться Человеком даже в нечеловеческих условиях, хотелось быть похожим в чем-то на него, вопреки научным теориям верить, знать, что Бог создал Человека, и обезьяна тут ни при чём.

Сцена из спектакля по рассказам В. Распутина «Век живи – Век люби» (Александр Кононов, Маша Шлыкова)

Петр Гладилин «Похищение Сабинянинова» – после спектакля

ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА И ДОСУГА

22 апреля 13.00

ИРКУТСКИЙ ТЕАТР-КЛУБ-СТУДИЯ
ДИАЛОГ

Праздничная встреча

*Диалог длиною
в четверть века*

В программе:

- Сцены из спектаклей
- "В поисках радости" (сказание в 2-х частях)
- Выступление творческих коллективов города и области

Встреча состоится в
Академическом театре
им. Н. П. Охлопкова
(основная сцена)

Справки по тел.: 36-27-53, 24-27-31, 20-04-78, 20-04-88
09511169551

2007 год. Виталий Барышников, ведущий праздничной встречи, посвященной 25-летию «Диалога»

ГЛАВА 9. ПОД АЛЫМИ ПАРУСАМИ

Автор мучается над вопросом: что сделать, чтобы современная, прагматичная молодежь поверила в такое понятие как «алые паруса», а также о недавно возникшем Молодежном театральном фестивале при Академическом театре им. Н.П. Охлопкова.

Как встретили мы наше 25-летие? Под алыми парусами.

Два года назад я со студийцами поставила гриновские «Алые паруса», и этот спектакль стал знаменательным в нашей истории. И, как выяснится позже, не только в нашей.

Так совпало, что когда мы начали подготовку этого спектакля, Иркутский академический драматический театр имени Н.П. Охлопкова задумал проект по привлечению в театр молодежи. Одним из пунктов этого проекта была организация фестиваля молодежных любительских театров. Мы, работавшие в это время над «Алыми парусами», выдвинули этот спектакль на фестиваль. Но вот на оргкомитете встал вопрос: фестивалю-то нужно название. А что долго думать? Назвать «Алыми парусами» и все тут. Долго не думали: так появился Молодежный фестиваль любительских театральных коллективов «Алые паруса» под патронатом Иркутского академического драматического театра имени Н.П. Охлопкова.

Это фестиваль. А сам спектакль рождался не просто трудно – вся его подготовка от первого прочтения произведения до первого выхода спектакля на сцену грозила перейти в полнейшую катастрофу, вплоть до прощания со студией. Эта студия (четвертая по счету) состояла в основном из энергоколледжевских ребят. Занималась она «ни шатко – ни валко», выступая на мероприятиях местного значения, то есть только в колледже. Поэтому более сложная работа была им не по силам.

Да и многие из них не верили в красивую историю. «Напитки покрепче, слова покороче, так проще, так легче...» – песенки такого содержания слышатся повсюду. Какие алые паруса? Какое такое чудо мы должны делать своими руками? И вообще, Грей, увидев спящую девушку одну на берегу, поступил как слюнтяй, сплоховал, сразу влюбился, встал на колени, надел на руку кольцо. Короче, дурак этот Грей. А одной девушке из студии мама не разрешила купить книгу «Алые паруса» отнюдь не из-за отсутствия денег, а из-за того, что ее, эту книгу, будет некуда деть, ведь она станет не нужна после того, как мы поставим спектакль. Вот такая печаль посетила маму. Что делать с книгой «Алые паруса» в современной квартире и, вообще, с книгой?

Мы, я и постановочная группа из взрослого «Диалога», пришли в полное отчаяние. Репетиции шли из рук вон плохо, а иногда и срывались. Понятно, ребята не лицедеи, они не могут играть то, во что не верят. Пришлось изменить состав команды – «вливать» несколько человек из взрослого «Диалога», а главное, обострить конфликт в самой инсценировке, тем более что все основания, как в самом произведении, так и в жизни Грина, имеются.

Начнем с эпиграфа: «Нине Николаевне Грин посвящает и преподносит автор». Это понятно, любимой жене посвятить произведение, но далее – «1922 год, Петербург». Да, не в легкое время были написаны «Паруса». Читая его «Автобиографическую повесть», выясняю, что настоящим моряком настоящего корабля он никогда не был.

Была мечта, поэтому в 16 лет он из северного вятского городка добирался почти пешком к побережью Черного моря. Там познает всю «прелесть» бездомного мечтателя-скитальца, живя в портовых ночлежках, хронически недоедая и простывая. Таким образом уже в юном возрасте Грин приобретает болезни желудка и легких, от которых он и умрет в возрасте 52 лет.

Так ведь он об этом и пишет в «Алых парусах»! Бедная деревня на берегу моря, жесткий, не поющий песен народ, живущий в ней, и девочка, не имеющая ничего, кроме красивой сказки, что подарил ей прохожий. С другой стороны Грей, вырвавшийся из условностей родового замка в пятнадцать лет, сбежавший из него, решивший во что бы то ни стало стать капитаном.

Как ни странно, в библиотеках у нас мало материалов по этой теме. Заглянула в Интернет и очень кратко, но узнала следующее: Нина Грин – прообраз Ассоль, жена Грина, пережившая его на целых 38 лет, много сделавшая для сохранения памяти мужа.

В Старом Крыму, где они жили последний год его жизни, она создала домик-музей и завещала похоронить себя рядом с мужем, но по политическим соображениям власти города не позволили этого и похоронили ее на обочине кладбища. Ровно через год после ее смерти, в 1971 году, четыре поклонника Грина, они же друзья Нины Николаевны, ночью раскопали могилу и перенесли гроб с ее телом в ограду к мужу. Конечно, состоялся процесс, какое-то наказание эти самовольщики получили, но власти не стали ничего менять – справедливость восторжествовала.

Итак, изучение всех этих документов сделало ввод в инсценировку Автора и его Музы совершенно закономерным. Более того, эта-то история в большей степени и убедила ребят в истинной правдивости «Парусов». А я не поверила. Мало ли, думаю, что могут перепечатать в Интернет. Вот сейчас поставлю спектакль, а летом съезжу в Крым. Так я и сделала. И в Феодосии, где он писал «Алые паруса», побывала, вдоль и поперек обошла Старый Крым, была в маленьком домике, где тяжело умирал писатель. Сходила на кладбище, представила весь ход событий, как тайно ночью друзья переносят гроб с телом Нины Грин в выкопанную уже могилу рядом с Александром. Да, кстати, они еще и магнитофон взяли с собой, чтобы с первыми лучами солнца, когда дело будет сделано, включить Моцарта. В это трудно было поверить, но пришлось. Так все оно и было.

А тем временем спектакль идет. На него традиционно собираются полные залы: смотрят семьями, группами, парами и поодиночке. Редко, но бывает, что зритель и не совсем готов к восприятию, но это редко. Уже накопилось отзывов «воз и целая тележка», спектакль все время спрашивают, делают заявки. Высокие вибрации души, которые испытали по-настоящему любившие друг друга мужчина и женщина, пробивают время и расстояние, смешными и ничтожными делаются пошлость и цинизм от этого светлого потока энергии.

Но и фестиваль под этим название тоже идет. И уже не десятки – сотни юных артистов со всей нашей области делают свои первые шаги к театру под алыми парусами, а в конце апреля Академический театр им. Охлопкова собирает их на своей сцене. На свое 25-летие мы пригласили друзей и наших зрителей тоже в этот же театр – в большой, лучший театральный зал области, и не только области. Для нас это высокая честь.

А ведь вначале был голодный и холодный Петербург, маленькая комнатка в писательском общежитии, двое влюбленных друг в друга людей, решивших выбраться из этой серой жизни, сочинив историю про алые паруса...

ГЛАВА 10. ТРИ СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ

Глава о том, что «Диалог» является местом не только творческого процесса, но и достойным местом для процесса «параобразования»; также в этой главе краткое изложение невыдуманных любовных историй, повлиявших на творческую жизнь нашего театра.

Любви, хоть три страницы, но посвятить надо. Потому что «Диалог» – коллектив молодежный. Сказать, что все идут туда, чтобы оставить свой след в искусстве – это солгать на девяносто процентов. И далее: большая часть из этих девяти-десяти процентов забежали сюда в поисках того единственного человека, с которым, согласно известной сказке, суждено идти рука об руку по жизни до самой глубокой старости и умереть в один день.

Иногда сидишь на репетиции и думаешь, а не закончить ли поскорее? А не лишний ли он, в этих предлагаемых обстоятельствах, этот репетиционный процесс, когда мощный процесс «параобразования» вовлек в себя большую часть всех здесь присутствующих?

Какие взгляды! Кажется, летят искры, и воздух вот-вот воспламенится! Какое дыхание! А в уголках глаз прячется слезинка. Вот действие на сцене запнулось, – исполнитель не вышел вовремя на реплику – это поцелуй за кулисами затянулся. А в зрительном зале сидят двое и так близко, что смотреть на это неудобно. Нельзя же подсматривать за чужой личной жизнью.

Исполнительница главной роли не может найти верный тон, потому что Он опаздывает. Ее взгляд то и дело устремляется к двери. А Его все нет и нет. На сценической площадке ничего не связывается. Я тоже смотрю на дверь, так как знаю, что не я, а он, опаздывающий на репетицию, спасет прогон. Хотя ему и не обязательно быть на этой репетиции, он репетировал в прошлое воскресенье, да и занят только в эпизоде последнего действия. И все-таки, почему его нет? Неужели ему неизвестно, что его ждут, что он нужен, без него ничего не складывается? Ну, наконец, является! И вот ее очередной выход на сцену – первый взгляд не на партнера, а туда, куда нельзя – в зал! И все – пошло, закрутилось, завертелось.

А какие любовные треугольники бывали! Не равнобедренные и устойчивые, а пронзающие своими острыми углами весь коллектив. Слезы, сумасшествие, вскрытие вен, встречи и расставания, без художественных откровений стихи – но какие по накалу чувств и страсти! Досвадебная прелюдия бывает стремительно короткой, а бывает длинной, тягучей, скучноватой, пока, наконец, не сыграется «свадьба вдогонку».

Ну а потом? Бывает редко, но бывает, когда уже имея детей, супруги вместе или попеременно участвуют в спектаклях, то есть из театра не уходят. Чаще кто-то один остается, второй это дело терпит, или, наоборот, поддерживает – бывает на премьерах, вечерах, водится с детьми.

Но и такой исход не редкость: он (она), появившись в «Диалоге», вонзив стрелу Амура в сердце избранницы(ка), объединившись в любовном порыве, уходят навсегда. О спектакле, на который положено не менее полугода, в котором они играют не последнюю роль, который по существу еще и не игрался, им в голову не приходит подумать. Они

нашли друг друга, им более ничего не нужно. Только они – двое, все остальное блажь, которая их будет отдалять и разделять.

Это о том, что случилось. А сколько не случилось! И потрачено на это неслучившееся не меньше чувств и нервов, чем на случившееся. Если не больше. Он ее любил, она вышла замуж в стороне от «Диалога». Прошло более двадцати лет. Он так и остался в нее влюбленным.

...Она готова была распахнуть свое сердце каждому, кто будет к ней добр, великодушен, ласков. Но проходил год за годом, они женились на других, на сцене играет новое поколение, ей стало в театре неуютно, одиноко...

...Она была его первой любовью. Вышла замуж за богатого и успешного – не за него. Разошлась. Через десяток лет опять пришла в театр. Думала, что на этот раз у нее все сложится с ним, но...

...Он был женат, она его увела от жены. Родились дети у нее и у его жены, почти одновременно. С кем остаться? Он не мог выбрать и уехал из нашего города навсегда...

Эти «сюжеты для небольшого рассказа» можно продолжать и продолжать...

Сердечные пожары повышенной сложности начинают полыхать с появлением студий. А их у нас было четыре. В каждой из них человек по двадцать и все как один хотят любить и быть любимыми. А тут еще подливают масла в огонь взрослые диалоговцы, те, которые не определились с выбором в своей возрастной группе. Если это парни, то они вмиг покоряют сердца юных театралок. И все бы хорошо, но пацанам из студии это не нравится, очень не нравится. А вот чуть больше, чем это требуется для дела, среди молодняка появляется сравнительно взрослая женщина. Занимается костюмами, дежурит на спектакле, помогает навести порядок после репетиций. Все неспешно, размеренно. Но это внешне. На самом деле ей надо спешить, у нее уходят годы – или сейчас, или никогда! Слова, жесты, одежда, взгляды – все полно значения, скрытого смысла. По каким-то неведомым нам лабиринтам два человека двигаются друг к другу, и, на радость большинства, их чувство побеждает, несмотря на закомплексованность, страх, неверие и цинизм.

После того как студийцы подрастают, определяются с работой, местом жительства, спутником жизни, они «ассимилируются» со взрослым коллективом театра. Наступает относительное затишье. Вот идет диалоговский вечер, посвященный какому-то празднику. Все по плану: поздравления, творческие заявки, и все по парам, все определились. А если кто-то сейчас и один, то только на эти три часа. Его вторая половина дома с детьми, или на работе, или в командировке. Все чинно, благопристойно, благодушно. Никто не пойдет ни с кем выяснять отношения, никто от другого не ждет ни «да», ни «нет», подвиги совершаться не будут, алые паруса тоже никто шить не станет. Сердце бьется ровно. Вот и хорошо. Впереди вереница спокойных репетиций. Появится спокойный, выверенный спектакль.

...Утро туманное, утро седое...

Нивы печальные, снегом покрытые,

Нехотя вспомнишь и время былое,

Вспомнишь и лица давно позабытые...

Вспоминаю, как этот романс звучал в финале спектакля «Месяц в деревне». На сцену выходят около десятка пар. Все молодые, красивые, влюбленные, взволнованные и усталые от только что пережитого. Как сейчас вижу залитое слезами лицо исполнителя роли Ракитина при объяснении с Наталией Петровной, а ее играла его будущая жена. Или только что прошел первый прогон «Медового месяца Золушки». Спектакль репетировался долго, почти два сезона. Все привязались друг к другу, и так хотелось, чтобы этот прогон состоялся. Ждали моего слова. Наконец, «хорошо» прозвучало. Вихрем летит по ступенькам, аж страшно за нее, исполнительница Золушки, несется к нему – своему Принцу, вернее к тому, кто его исполнял. И они закружились в каком-то дурацком танце, их чувство вырвалось наружу, дополнило то, чего не хватало в спектакле...

...По весеннему городу, когда листья тополей еще клейкие и нежно-зеленые, взявшись за руки, уходили гулять студийцы после спектакля «Чудеса в ожидании лета»...

После неудачных прогонов «Алых парусов», а они чаще всего были неудачными, на «разбор полетов» выходили их участники. Вот исполнитель роли Грея, весь напряжен, а рядом она – наша Ассоль. Он подался вперед, выпрямился, такое впечатление, что он вот-вот бросится ее защищать. Во многом благодаря взаимному интересу друг к другу главных исполнителей появился спектакль «Дом окнами в поле». Яблоневого венка из песен и пересудов обрамлял их чувства, как личные, так и те, что написаны Вампиловым...

...Вот приходит на спектакль исполнительница Маленького принца. Грустная и безнадежно влюбленная. Играет так пронзительно, тонко и нежно, что обретает любовь всего зрительного зала. Всего зала, но не Его. Пока не Его. А спустя пятнадцать лет он сделает ей предложение...

...А наши две постановки «Суперстены»! Там были влюблены друг в друга все. Сердечные нити шли или параллельно, или пересекались, натягивались, лопались как струны, и снова каким-то образом возникали...

...При полном отсутствии денег откуда-то находились резервы для выезда на фестивали. На каком-то неведомом мне грузовике везлись декорации, ставились палатки, все вместе провожали закаты, иногда встречали рассветы, и при этом играли спектакли, трудные, многонаселенные, с костюмами и декорациями. Чего здесь было больше – влюбленности в театр или влюбленности друг в друга?

Да уж, «Любовь никогда не бывает без грусти, но это приятней, чем грусть без любви».

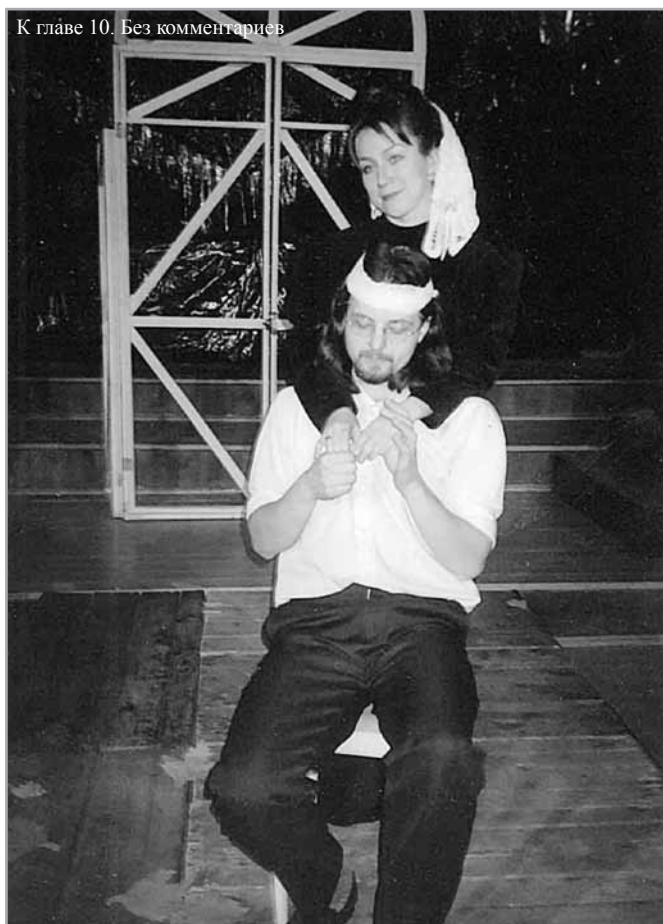
К главе 10. Без комментариев

К главе 10. Без комментариев

К главе 10. Без комментариев

К главе 10. Без комментариев

К главе 10. Без комментариев

ГЛАВА 11. «ЗАЧЕМ ЖИВЕМ,ЗАЧЕМ СТРАДАЕМ?»

Таким вопросом мучаются чеховские герои,ну и автор тоже попытался ответить на этот вопрос; и еще на два – придут ли молодые режиссеры в любительские театры? И как влияет мужская профессия режиссера на тонкую душу женщин,пожелавших стоять у руля театрального корабля?

Пока писались эти страницы, прошло более пяти лет. А я все перечитываю, думаю, правлю текст и спрашиваю себя: «А зачем этот труд, кому он нужен?» Как это ни странно, но у меня нет ни малейшей попытки популяризировать свой театр, хотя в этом не было бы ничего плохого. Просто за свою жизнь я как бы «вросла» в любительское театральное движение, а значит, как никто, поняла его эфемерность в сегодняшнем дне. Сейчас препятствий для развития любительского творчества гораздо больше, чем четверть века назад. И дело даже ни в мировом финансовом кризисе.

Дело в том, что молодые коллеги не очень-то хотят зарабатывать таким трудом кусок хлеба без масла. Ведь этот же хлеб, но только с маслом, они могут заработать на другом поприще, на котором тоже можно считаться режиссерами. Ведь за шоу, за разного рода «веселухи» да и за «бег в мешках» платят гораздо больше. Но именно потому, что я уже «вросла» в этот вид творчества, я убеждена, что без этих светильников, что зажигаются по вечерам в скромных комнатах, необорудованных аудиториях, подчас холодных маленьких зрительных залах, нам (нашему народу, стране) жить нельзя.

Молодому человеку, вступившему на этот путь или, как писал Маяковский, «юноше, обдумывающему свое житье», я могу сказать так: то, что ты выбрал этот путь – это еще не все. Необходимо, чтобы дело выбрало тебя. А он упрямый, этот театр. Я знакома со многими людьми, имеющими массу замыслов, идей, но увы. Для этих идей нет исполнителей. А в нашем деле так: если захотят эти актеры, «любители», то можно поставить спектакль любой сложности, но уж если нет, то ничего невозможно сделать. Эти «любители» просто не придут на репетицию.

В профессиональном театре все по-другому: есть приказ, хочешь – не хочешь, играй, трудись, возражения не принимаются. А у нас – нет. И эти мыслители-режиссеры, тоскливо подождав исполнителей, уходят. Но Бог с ними, с этими «мыслителями». Обиднее другая ситуация.

Неплохо начав, то есть поставив хороший спектакль, молодой руководитель, окрыленный первоначальным успехом, ждет нового, следующего взлета, не понимая того, что за взлетом-то всегда, мягко говоря, посадка, если не сказать, падение. В чем оно? Да в том, что у коллектива вдруг обнаруживаются какие-то непреодолимые препятствия с администрацией того учреждения, в котором работает образовавшийся театр. Или в том, что некоторые из участников, ощутив на себе повышенное внимание зрителей и режиссера, поняли, что они звезды первой величины на театральном небосклоне и, сами того не желая, начинают вокруг себя все сжигать. Или как-то так получилось, что восхитивший всех спектакль на премьере вдруг прозвучал совсем не так восхитительно на каком-то смотре и получил не то что бы отрицательную оценку, а остался вовсе не замеченным. Вот тут-то и происходит слом. Талантливый человек уходит. Уходит потому, что он молод, самолюбив, хочет, чтоб его любили. Одним словом – Треплев:

«Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса...

Если бы вы знали, как я несчастлив! Пьеса не понравилась, вы презираете мое вдохновение, уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много.

Как это я хорошо понимаю, как понимаю! У меня в мозгу точно гвоздь, будь он проклят вместе с моим самолюбием, которое сосет мою кровь, сосет, как змея...»

В это время мне вспоминаются выстраданные Ниной Заречной слова:

«Я теперь понимаю, Костя, что в нашем деле – все равно, играем мы на сцене или пишем – главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть.

Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни».

В любительских коллективах мало мужчин-режиссеров. Но их вообще мало, мужчин. В школах и институтах тоже мало. Грустно. Но не об этом сейчас речь. Речь о женщинах-режиссёрах.

Немногие из них пришли в эту профессию, почувствовав в себе «трехликость» (Немирович-Данченко писал, что режиссёр – существо трехликое: воспитатель, толкователь, постановщик). Нет, чаще всего это те, кто по каким-то обстоятельствам не стал актрисой. А в актёрской профессии больше женского начала, так что женщина-актриса – это женщина в полном смысле этого слова. А режиссёр, я полностью убеждена в этом, профессия мужская. Здесь нужен аналитический склад ума, сила, воля, подчас жесткость, спокойствие и выдержка, умение «держать удар», умение быть «аккумулятором», чтоб заряжать других, ну и желательно разбираться в электропроводке, радиоаппаратуре, а сегодня – владеть компьютерными технологиями. И женщина, встав на этот путь, психологически меняет, пусть наполовину, но меняет свой пол. Женщина мужает. Она – режиссёр. Режиссёру положено мужать. Появляется резкий голос и жесты, тяжелый, всё просчитывающий взгляд, да и дыхание далеко не лёгкое от выкуренных сигарет по поводу неудавшихся, да и удавшихся репетиций, решительная походка, и, я бы сказала, значительность фигуры.

Нежная душа, трепетный и чуткий внутренний мир спрятался, затаился. Нет, он тоже выплескивается наружу, когда приходится работать с кем-то над ролью или подбирать выворачивающую душу музыку для спектакля, или, допустим, когда необходимо вникать в жизненные коллизии участников коллектива. Но, растратив драгоценное богатство души, а также не менее драгоценное время на репетиции, женщина (она же режиссёр) идет домой. Для самых близких и родных ничего не остается. И, как это часто случается, они уходят. Хорошо, если они были.

Как сохранить гармонию в своей душе? Как, не отказываясь от призвания, иметь хоть маленький кусочек личного, только твоего счастья? Как не огрубеть, не стать циничной, злой, ворчливой в глубоком пенсионном возрасте из-за того, что твои великие дары на алтаре искусства не получили должного вознаграждения? А они не получили.

Быть педагогом дополнительного образования, делать спектакли для мам, пап, близких людей, говорить со своими подопечными о том, что такое хорошо и что такое плохо в нашей жизни, расширять палитру чувств через упражнения и этюды. Вот путь к гармонии. Но что делать, если так и тянет сказать свое слово, сделать свой театр, ставить Шекспира и Чехова, да так, чтоб об этих спектаклях говорили и спорили, их стремились посмотреть? Приходится подчинять всю жизнь этой идее, стать, в конце концов, заложницей ее. Много, конечно, и обретается. Но на каких весах взвесить то, что потеряно? И

что дороже? Нет ответа. И на традиционный вопрос «А если бы начать жизнь сначала...» – это точно, уже не будет бесшабашно-комсомольского ответа, заключающегося в том, что все в нашей жизни было верно и ничего не надо менять. Все далеко не так однозначно.

Растет трава, дерево, кустарник, цветок. У каждого из них свои задачи, свое предназначение. Каждый из них нужен и земле, и мирозданию. И хорошо, что дерево не превращается в розу, а роза в траву. И человек, появившийся на свет, уже имеет свою программу, свою задачу в жизни, а некоторые и миссию, которую надо исполнить. Если он угадал, зачем родился, тогда и жизнь удалась.

Вот вижу одухотворенные радостные лица у актеров после спектакля, когда стоя аплодируют благодарные зрители; или на каком-либо фестивале на нас смотрят сотни счастливых глаз оттого, что именно через театр – через то, что мы делаем, человеку открывается этот мир, и он прекрасен! Именно тогда кажется, пока идем по правильному пути, по тому самому, по которому нужно пройти до конца, несмотря на бездорожье, падения, потери, заманчивые ответвления в сторону. И кажется, что мы знаем, «зачем мы живем, зачем страдаем...».

По лицам, по школам, по клубам
Ты творишь, обжигая сердца,
И нелёгкий свой крест, стиснув зубы,
Ты по жизни несёшь до конца.
Кто-то скажет, кому это надо
За такую зарплату? Нет, уж!
Но тебя ждёт иная награда,
Инженер человеческих душ.
У тебя есть такие актёры
В профтеатрах таких поискать
С ними можно в атаку и в горы,
С ними можно и в космос слетать!
Есть Любовь, и Надежда, и Вера,
Ты гармонию их не разрушь.
У тебя ведь сегодня Премьера,
Инженер человеческих душ!

Автор слов и музыки этого гимна – Владимир Скороходов, режиссер молодёжного любительского театра «Под знаком Водолея».

2007 год. На юбилейном вечере, как правило, мы играем сцены из любимых спектаклей. На фотографии Анна Потемкина и Андрей Соколов в сцене из спектакля «Суперстена»

Вот так мы каждый раз перед спектаклем собираемся на «УФ!», обещая друг другу не подвести, а это значит – играть, освещать, дежурить в зрительном зале, подавать музыку..., чтобы все то, что задумано свершилось.

ГЛАВА 12. НОВЫЙ ПОВОРОТ! ЧТО ОН НАМ НЕСЕТ?

А не поразмышлять бы о том, как избавиться при постановке спектакля от финансовых проблем?

Конечно, когда театру много лет – это хорошо. Появляется опыт, традиции, признание. Коллектив взрослеет, а режиссер... стареет. Наконец, встает вопрос, а кому передать свое дело? Как правило – некому. Такая ситуация не только в любительских театрах, но и в профессиональных. Например, с уходом Георгия Товстоногова Большой Драматический театр стал театром им. Товстоногова, но постановок на уровне того, товстоноговского времени, не стало. Конечно, профессиональные театры как театры сохраняются, а вот любительские с уходом лидера отправляются в небытие. Одна надежда, что какой-нибудь чудак-одиночка, через много лет что-то услышав или прочитав, допустим, эту книжицу, решится проделать трудный путь. Возможно, ему что-то пригодится из нашего опыта и вновь, как птица Феникс, подобный театр возникнет из небытия.

Но это общие размышления. Вернемся к «Диалогу». В нем вопрос смены руководства есть, но он еще не стал проблемой. Хотя время летит стремительно, и уже настала пора более бережного отношения к своему времени, я бы даже сказала, к своей жизни, которая с каждым днем становятся всё короче. На что потратить оставшееся время? Потратить – не подходящее слово для таких серьезных размышлений! Посвятить – гораздо лучше. Но в начале надо понять, на что в данный отрезок жизни не стоит расходовать время. Поэтому перейдем к материальным проблемам «Диалога».

О них я еще не говорила. Создается впечатление, что на фоне возвышенных идей эти размышления очень земные или вообще мне их не приходится решать: все или делается само собой, или делает какой-то добрый человек – меценат из новых русских, допустим. Если бы это было так. Если бы можно было заниматься только воспитанием коллектива и постановкой спектаклей!

Что такое, скажем, поставить спектакль «Месяц в деревне», в котором занято 25 человек? Это 25 костюмов по минимуму плюс еще по 2-3 на некоторых из героев. Сколько стоит пошить женское платье второй половины XIX века? Или сюртук, жилетку и брюки для мужчины? Это только костюмы, но должно быть и музыкальное, и световое, и декорационное оформление. Откуда денежки? Из вырученных средств от предыдущего спектакля. То есть, чтобы браться за «Месяц в деревне», мы сыграли порядка 15 спектаклей «Суперстена». А «Месяц в деревне» обеспечил «Старшего сына» и т. д.

Чтобы продать билеты, необходимы афиши, программы, распространители билетов. А сколько штатных единиц в театре? На сегодняшний день две: это ставка режиссера и заведующего постановочной частью. Да и то они такие, что надо еще где-то работать, чтобы прилично жить. Конечно, все эти расчеты касаются только нашей организации, нашего театра – «Диалога».

Каждый театр решает свои финансовые проблемы по-своему. Большинство любительских спектаклей показывается бесплатно, так как все-таки находятся кое-какие средства в бюджете института или школы на его оформление. Или театр вообще не ставит своей целью постановку больших многоактных спектаклей, на которые нужны средства, длительная работа над ним – по году и более. Либо не ставят костюмные, декорационные спектакли. Иногда действительно находятся меценаты. А мне уже становится страшно

выпускать «джина из бутылки», то есть спектакль. Ведь он потребует своей жизни, obsługi, зрителя, постоянной поддержки, нервов и времени участников.

До поры до времени, то есть более четверти века мне удавалось побеждать обстоятельства: спектакли были одеты, обуты, освещены, собирали полные зрительные залы. Но это до поры до времени.

Сейчас уже не рационально свое время (я имею в виду то время, которое намереваюсь прожить во здравии и рабочей форме) растрчивать на бухгалтерские отчеты, распространение билетов, составление смет. Не мое это дело. Хочется еще побольше узнать, прочесть, воплотить, тем более что костяк театра составляют крепкие обученные люди, с которыми мы прошли через Тургенева, Чехова, Вампилова, Грина.

Я поставила перед собой такие вопросы:

– как перестать думать о том, сколько продано билетов на спектакль и сколько выручено денег?

– как на спектакль потратить, допустим, вместо двадцати тысяч одну?

– как при таких мизерных финансовых затратах не потерять привлекательности, глубины, художественности?

Ответ пришел как-то сам собой. Вернее, его продиктовало время. С недавних пор обилие режиссерских выкрутасов стало меня несколько раздражать. Теряется мысль, перестает работать воображение зрителя, много отвлекающих деталей. Вспоминаются слова Ильфа и Петрова про то, как горы Остапу не понравились из-за того, что слишком много шика, что это воображение идиота. А сколько шика в разного рода шоу! Понятно, это речь не о наших спектаклях, где, как правило, решено все по минимуму. Я говорю о зрителе, которому, как и мне, эти излишества начинают надоедать. Хочется тишины, сосредоточенности, внимательного вслушивания в текст, в музыкальный такт.

Сейчас у нас есть две программы, выстроенные по законам литературного спектакля, на подготовку которых даже смета не была составлена. Нужны только были приглашенные, афиши да оплата гардеробщице и техничке. На другие подобные спектакли могут потребоваться расходы более значительные, но это такие расходы, которые не требуют вала спектаклей, как прежде. И неважно, кто купит билет, а кто и так пройдет.

«Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним» – так называется спектакль, посвященный Владимиру Высоцкому. На сцене экран для документальных видеосюжетов, восемь человек, двое из них с гитарами. Слово, песня, видеосюжет – вот выразительные средства этого спектакля. Еще луч света, выхватывающий из темноты исполнителя песни или стихотворения. Все смотрится и слушается на едином дыхании.

«В гостях у старого друга» – литературный вечер, посвященный 70-летию писателя Михаила Просекина. Часть сцены занимает письменный стол с печатной машинкой, в другой части – угол деревенской избы со столом и самоваром, на стенах висят фотографии и рисунки Байкала, на полу – осенние листья. Под стук машинки рождаются слова: они то повторяются, то льются сплошным потоком. Потом за столом мы видим мужчину и женщину – героев рассказа «Затерянное поле», ведущих неспешный разговор. Вроде бы ни о чем, а на самом деле о любви. Вот, держа осенние листья в руках, появилась героиня рассказа «Горячий пепел» – узница концлагеря Освенцим, и когда она, разжав

пальцы, роняет листья на пол, то ничего уже не надо, что бы представить ее на сельском кладбище у могилы своих самых близких людей...

Через деталь, через тактично введенную музыку, а главное, через слово можно сказать многое. Никакого открытия, конечно, здесь нет. Возвращаясь опять же к любимой «Чайке», читаю: «Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса – вот и лунная ночь готова...»

Итак, вперед к «бедному театру!» Понятно, что не к тому, что проповедовал Ежи Гротовский. У нас будет свой «бедный театр». Главное, будет сэкономлено мое время, которое понадобится для сочинения нового спектакля, допустим, по Гоголю, которому вот-вот исполнится 200 лет. Или Шекспиру, или так давно просится на сцену Николай Рубцов.

Переход в жанр литературного театра обусловлен не только отсутствием финансирования спектаклей, но и тем, что в настоящее время, можно сказать, из нашей жизни исчезает русская речь. Сленг, бедный лексикон, выражения, считающиеся ранее непечатными, прижились не только в повседневном общении, но и экране, сцене, в СМИ. Вибрация звучаний лучших образцов русской поэзии и литературы не доходит до большинства молодых людей, они ее просто не слышат. Газеты пестрят приглашениями на курсы по изучению всех языков мира, кроме русского.

Многие сейчас, по примеру Элочки-людоедки – персонажа Ильфа и Петрова, не утруждают себя работой по расширению своего словарного запаса. Мало читают. Миф о нашей стране как самой читающей развеялся в пух и прах. Огромное духовное богатство – книги, я имею в виду хорошие книги, не востребованы. Так что для некоторых присутствие на литературном вечере, конкурсе чтецов, литературном спектакле, встрече с писателем становится первым знакомством с серьезной литературой.

Возможно, переход в жанр литературного театра для нас временный, но верный. Ведь не зря в Библии сказано, «Вначале было слово».

Эти строки я написала три года назад.

А посткриптом дописывает сама жизнь сегодня.

... Две недели назад, 24 марта, в нашем городе появился литературный театр под названием «Слово». Открылся он, прежде всего, благодаря стараниям нашего коллектива и писателя Юрия Ивановича Баранова, который вложил немало усилий на обновление зрительного зала и сценической площадки в Доме литераторов, директором которого он и является. Мы же отважились в жанре литературного театра поставить спектакль «Век живи - Век люби» по трем рассказам Валентина Распутина.

Спектакль уже играем, он обретает своих поклонников, а точнее – почитателей.

Удивительно, что еще год назад все это казалось неосуществимым, тем самым журавлем в небе, о котором и мечтать напрасно, настолько он далек и высок.

2009 год, Библиотека им. И. Уткина.
Участники встречи, посвященной 70-летию
писателя Михаила Просекина

Сцена из спектакля по рассказам Валентина Распутина
«Век живи – Век люби» (Денис Важенин, Олег Силантьев)

ГЛАВА 13. ТРИНАДЦАТАЯ

Глава под таким номером не может быть без горечи и грусти, но автор не теряет надежды на лучшее и видит свет в конце тоннеля.

Два года назад я сочинила главу про новый поворот. Идея репрофилирования театра драматического жанра в другой жанр – литературный осталась пока идеей. Не настало время. Но уже хорошо то, что есть запасной путь. Тем временем вышли к зрителю героини Н.А. Островского – спектакль по пьесе «Волки и овцы», затем «Марьино поле» (по пьесе современного молодого автора Олега Богаева). Работа над созданием этих спектаклей принесла много радости, самых положительных эмоций.

А между тем мир становится более жестким. Каждый день мы узнаем о каких-то уму непостижимых аферах, убийствах, государственных переворотах, землетрясениях, техногенных катастрофах. И что такое посреди этого бушующего моря страстей и невзгод маленькие любительские театрики со своими маленькими проблемами? Лодчонки, которые может захлестнуть даже небольшая волна. Где их место?

В нашем городе они нашли свое пристанище под крышей учебных заведений: в институтах, колледжах, школах. Здорово! Но не во всем. Во-первых, не каждое учебное заведение считает нужным иметь такой коллектив. Во-вторых, заниматься там можно, самое позднее до девяти часов вечера, а в воскресно-субботные дни для занятий нужно особое разрешение администрации. И при этом коллектив должен состоять только из студентов этого учебного заведения.

Иркутск всегда был богат культурными традициями. Великолепные театры, музеи, филармония, концертные залы. Десятки домов и дворцов культуры работали практически во всех районах города, при предприятиях, фабриках, заводах. И эти помещения в свое время плотно заполнялись с утра и до позднего вечера.

Вспомните! Дворец культуры завода имени Куйбышева, поистине замечательный Дворец культуры профсоюзов, Дом культуры «Юбилейный», долгое время являющийся культурным центром Левобережья. Сегодня большая часть этих помещений занята торговыми рядами, а Дома культуры завода имени Куйбышева вообще нет. Дворец культуры авиазавода во втором Иркутске медленно, но верно превращается в площадку для проведения корпоративных вечеров и других мероприятий, за которые можно собирать значительные суммы. Соответственно, все меньше и меньше становится там творческих коллективов. Жалкое существование влачит сейчас построенный сравнительно недавно, в 70-х годах прошлого века, клуб имени Горького. А ведь в городе было еще около десятка клубов: клуб железнодорожников, речников, ТЭЦ и т. д.

Зато ночные клубы растут, как грибы после дождя.

Вот, вышел молодой человек вечером из дома или студенческого общежития. Огляделся. Где его ждут? Где ему будут рады? Его ждут и более всего ему будут рады в пивном баре, ночном клубе. Конечно, в этот вечер в городе идут и спектакли, и концерты, но до них ведь доехать нужно, а для этого надо знать элементарно, где они находятся и иметь привычку тратить из своего кармана деньги не только на пиво, но и на билет в театр, а главное, иметь потребность в просмотре спектакля или концерта.

Немного надо напрячься. А не хочется. Тем более, рядом пивбар, чуть подальше – ночной клуб, а дома всемирная паутина, в которую так хочется нырнуть, запутаться и, не задумываясь, блуждать там без руля и ветрил. Поэтому на небольшом пяточке возле моей остановки два пивбара, два киоска с табаком, водкой и вездесущим пивом. А количество алкоголя, которое приходится у нас в стране на душу населения давно уже ставит под угрозу генетическое здоровье и само выживание нации. А наркотики?! О точках распространения которых знают буквально все, но не принимают действенных мер по борьбе с этим злом, чтобы, не дай Бог, не нарушить права участников наркотрафика!

Зато с какой помпой проводятся дорогостоящие мероприятия против их употребления. Ведь чем больше будет вокруг них шума и чем больше будет затрачено средств, тем лучше будут выглядеть отчеты. А какие огромные деньги тратятся на лечение наркоманов. Соответственно, средств на развитие культуры становится меньше – госказна не бездонная бочка.

На предприятиях вопросы решаются куда проще: в профтехучилище авиазавода в кружках и студиях работало несколько человек. Каждый из них получал заработную плату в размере четырёх тысяч (!) рублей – театральные занятия вели, танцевальный коллектив работал. Кому-то эта зарплата показалась слишком большой и обременительной для предприятия. Руководство предложило руководителям подать заявления об уходе, обещая перевод на какую-то другую статью финансирования. И все! Мальчики и девочки, «вон из искусства!» А ведь уже готовился к выпуску спектакль, занимался не один десяток ребят в танцевальном коллективе. Или еще пример: скитался по городу без места для занятий театр «Эксперимент», а сейчас он пришел под крышу лингвистического университета. Радость-то какая! Этому театру уже десять лет, на счету немало хороших спектаклей, и с его приходом в это учебное заведение в него потянутся свои студенты. Они придут уже в закаленный, проверенный коллектив, который не распадется, более опытные участники помогут вновь пришедшим. Но оказывается, у такого учебного заведения на внеурочную работу со студентами всего одна мизерная ставка. Это в многотысячном-то университете, где подавляющее большинство студентов обучается платно!

И так повсюду. Возмущения бесполезны. В государственной политике это носит название «оптимизация», коса которой прошла по всей нашей области. И всё-таки, свет в конце тоннеля есть! Любительские театры живы. Их мало и, судя по обстановке, станет ещё меньше. Но тем дороже нам те островки тепла и надежды, которые немислимыми усилиями ещё сохраняются. Цена этих усилий, как правило, очень велика: вся жизнь, все свободное и несвободное время.

На что могут реально надеяться руководители и режиссёры любительских театров? Есть у нас в Иркутске Областной центр народного творчества и досуга – структура, которая поддерживает, защищает и позиционирует любительские коллективы разных жанров и направлений. Работающие там методисты по каждому жанру проводят встречи, семинары, выпускают методическую литературу. На фестивали «Театральная деревня», «Весна на БАМе», «Прикосновение к русской классике» привлекаются специалисты самого высокого класса, которые многое дают театральным коллективам области для их дальнейшего становления и развития.

К сожалению, Дом народного творчества не может повысить заработную плату руководителям театральных коллективов, а значит, и спросить с них. Но тем не менее, они, режиссеры, работают, и часто очень неплохо. О таких людях говорят: «Работает не за

страх, а за совесть» – за совесть перед своими способностями, которыми наделил их господь, перед любимым делом, перед своими детьми, которые, как правило, и воспитываются в их коллективе.

И еще мне необходимо здесь сказать о МТД. Что это такое?

Возвратимся к событиям шестилетней давности, когда в Иркутском академическом драматическом театре им. Н.П. Охлопкова был разработан проект по привлечению молодого зрителя. Кому-то пришла идея, что первым шагом может быть проведение городского фестиваля молодежных театров. Мы, режиссеры, воспламенились. Фестиваль провели. Назвали его «Алые паруса». Тогда еще ни театру, ни его руководителю А.А. Стрельцову и в голову не приходило, «какого джина выпустили из бутылки», потому что сказав «А», надо говорить «Б».

На будущий год встал вопрос о проведении второго фестиваля, а он должен быть уже областным. При театре образовалось Молодежное театральное движение (МТД). Сейчас МТД проводит конкурсы чтецов, молодежные иркутские балы, устраивает театральные десанты в далекие от областного центра города и поселки, привлекает молодежь для разработки театральных проектов по номинациям «театральная критика», «стенография», готовит целый каскад мероприятий под названием «каникулы с охлопковцами».

Академический театр должен ставить и играть спектакли. Это его основная задача. За неё он получает премии и награды, а за то, о чём я пишу, ему наверняка зачтётся. Зачтётся и другим. Если таковые другие будут.

У нас в России с каждым годом появляется всё больше и больше миллиардеров – здесь мы впереди планеты всей. Но и просто богатых людей немало. А для чего им такие немислимые деньги? Я так думаю, деньги нужны для того, чтобы хорошо и красиво жить и сделать в жизни что-то такое, чем можно гордиться, за что перед Богом не стыдно. А как можно жить красиво, если за город, в котором ты живешь, стыдно? Кругом грязь и неухоженность. Вечером страшно выходить на улицу.

Чего стоит богатому человеку потратиться, скажем, на молодежный Дом театра, на экологическую тропу вокруг Байкала, построить свой общедоступный Дворец культуры или просто взять под опеку какой-нибудь творческий любительский коллектив? Пусть он

Режиссеры
любительских театров
нашей области. На
берегу Байкала – фото
на память

2008 год. Академический театр им. Н. П. Охлопкова. Открытие областного фестиваля молодежных любительских коллективов «Алые паруса»

2010 год. А.Н. Островский «Волки и овцы». Сцены из спектакля. Сергей Власов, Матвей Мамченко.

2010 год. А.Н. Островский «Волки и овцы». Сцены из спектакля. Виктор Настенко, Виталий Лебедев.

ГЛАВА 14. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Автор выражает надежду, что изложенные выше главы будут интересны коллегам, участникам любительских театров, помогут увидеть себя со стороны и натолкнут на новые идеи.

На то, чтобы это все написать, хотя труд и не очень объемный, потребовалось много времени. А ведь это еще надо издать, а значит, еще потребуется не меньше не только времени, но и душевных сил. Поэтому совсем не хочется, чтобы эта книжница, после того, как ее приобрели, была брошена на какую-то самую недоступную полку. Хотелось, чтобы она была прочитана. Но вдруг это будет никому не интересно? Тогда зачем её издавать? Ладно, написала, систематизировала свои мысли, разобралась кое в чем сама с собой и довольна. Поэтому уже сейчас, пока она в рукописи, я рассылаю ее моим коллегам, устраиваю с ними встречи.

Уже получила несколько писем-отзывов: «... всегда не хватало такого честного, искреннего «диалога-размышления» о нашей профессии, о «выживании» театра в нашей стране. Полностью пересмотрел метод работы с коллективом, нашел свои плюсы и минусы, осмыслил подход к выбору репертуара: что ставить, как ставить, как привлечь современную молодежь с «клиповым сознанием». Это и еще многое другое пишет руководитель детской театральной школы «Эврика» Сергей Анчутин из Саянска.

А вот что пишут студенты и преподаватели специализации «Педагог дополнительного образования» в области театрально-сценической деятельности Иркутского педагогического колледжа № 1: «Мы с нетерпением ждем возможности приобрести Ваше произведение, так как его можно расценивать как пособие в помощь начинающим руководителям театральных коллективов. В Вашей книге, написанной простым и доступным языком, наполненной добротой и любовью к любительскому театру, нам видятся ответы на многие вопросы, касающиеся организации, структуры и содержания работы педагога-режиссёра в молодежной театральной студии...».

Все это обнадеживает, наполняет мой труд особым смыслом. Спасибо за проявленный интерес и внимательное прочтение.

С уважением, Валентина Просекина

Первое чтение пьесы, первое прикосновение к характерам, событиям, словам... От этого так много зависит

РЕПЕРТУАР

народного театра-клуба-студии «Диалог»
от рождества театра до наших дней

1982 г.	О. Кучкина	«Страсти по Варваре»
	Р. Ибрагимбеков	«Дом на песке»
1983 г.	В. Шукшин	«До третьих петухов»
1984 г.	В. Астафьев	«Прости меня»
1985 г.	В. Варфаламеев	«Хабаров»
	А. Корин	«Чудеса в ожидании лета»
	В. Токарева	«Между небом и землёй»
1986 г.	Э. Радзинский	«Беседы с Сократом»
1987 г.	Т. Немченко	«Доверчивый Матушкин»
	Ю. Эдлис	«Набережная»
	Русские народные сказки	«Сказка ложь, да в ней намёк...»
	В. Распутин, Ф. Мухамедшин	«Глоток чистой воды»
1988 г.	А. де Сент Экзюпери, <i>сценическая версия</i> В. Просекиной и С. Сокольникова	«Маленький принц»
	Ф. Дюрренматт	«Физики»
1992 г. 1997 г.	А. Вампилов, <i>сценарий В. Просекиной, посвящённый Дню рождения драматурга</i>	«Все люди – братья»
1994 г.	Г. Полонский	«Медовый месяц Золушки»
1995 г.	Т. Василенко	«Три пьесы для фортепиано, голоса и души»
1996 г.	Н. Нагорнов, В. Просекина	«Суперстена»

1997 г.	И. Тургенев	«Месяц в деревне»
	А. Вампилов	«Дом окнами в поле»
1998 г.	А. Вампилов	«Старший сын»
1999 г.	А. Чехов	«Чайка»
2000 г.	М. Булгаков	«Зойкина квартира»
2001г.	Н. Нагорнов, В. Просекина	«Суперстена» – новая версия
2002 г.	А. Пушкин	Маленькие трагедии: «Русалка», «Пир во время чумы»
2003 г.	К. Драгунская	«Русскими буквами»
2004 г.	А. Просекин	«Снохождения»
2005 г.	А. Грин, <i>сценическая версия В. Просекиной</i>	«Алые паруса»
2006 г.	И. Гончаров, <i>сценическая версия В. Просекиной</i>	«Необыкновенная обыкновенная история»
2007 г.	Сценарий В. Просекиной	«Земля обетованная» – документальный спектакль к 25-летию «Диалога»
2008 г.	П. Гладилин В. Высоцкий, <i>сценарий В. Просекиной</i>	«Похищение Сабинянинова». Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним» <i>художественно-документальный спектакль</i>
2009 г.	А. Островский	«Волки и овцы»
2011 г.	О. Богаев	«Марьино поле»
2012 г.	Валентин Распутин	«Век живи – Век люби» <i>Совместный проект театра «Диалог» и театра «Слово» Иркутского Дома литераторов</i>

КОРОТКО О ТЕАТРЕ «ДИАЛОГ»

Любительский театр «Диалог» был создан в 1982 году при Иркутском культурно-просветительном училище на базе театрального отделения. Его участниками были студенты и преподаватели училища. Театр открылся спектаклем по пьесе Ольги Кучкиной «Страсти по Варваре».

Уже первым спектаклем была взята довольно высокая планка, и театр сразу же вышел за рамки статуса учебного театра при училище и стал фактически театральным молодёжным объединением города, привлекая в ряды участников и поклонников людей разных специальностей.

При театре образовался театральный клуб – место встречи талантливых, готовых к духовному общению людей. Частыми гостями театра «Диалог» стали музыканты, поэты, писатели, художники – интеллектуальная элита города.

На третьем году существования при театре также начинает работать студия. Для 15 – 17 летних ребят были организованы занятия по актерскому мастерству, сценической речи, движению, по расширению кругозора в области литературы и искусства.

За время существования театра в нем занимались четыре студии, спектакли которых явились заметным явлением в культурной жизни города Иркутска: «Суперстена», «Алые паруса». Восемь лет театр занимался в помещении бывшей фабрики-кухни завода имени Куйбышева, приспособив это помещение и оборудовав своими силами под театральный зал и сценическую площадку. Там же театру было присвоено звание «Народный».

Но в начале 90-х театру пришлось искать новое место, так как здание было передано в аренду коммерческим структурам. С 1991 года театр-клуб-студию «Диалог» как творческий коллектив взял под свою опеку Областной центр народного творчества и досуга (ОЦНТиД), а местом его «проживания» стал Иркутский энергетический колледж. После проведённой реконструкции актёрский зал колледжа превратился в театральный.

Согласно договору режиссер и участники театра помогают коллегу в проведении различных культурно-художественных мероприятий, поэтому в составе двух студий «Диалога» занимается немало студентов. Режиссер театра В.С. Просекина ведет со студентами студию художественно слова.

»: В 1997 году театр «Диалог» разделился на два театра – театр «Диалог» и театр «Содружество» Александра Гречмана. На данный момент оба коллектива занимаются в одном здании по установленному совместным договором расписанию.

Театр «Диалог» фактически является театральным методическим центром. На все его спектакли и творческие вечера приглашаются городские, а при возможности и областные театральные коллективы. По окончании спектаклей проводятся обсуждения.

Участниками «Диалога» в стране и области создано уже около десятка театров. Некоторые «диалоговцы» стали актерами и администраторами профессиональных театров. Многим занятия в «Диалоге» помогли обрести себя в своей профессии.

Репертуар «Диалога» за прошедшие годы серьезен и говорит сам за себя. Главные темы спектаклей – поиск смысла жизни, возможность сохранить в себе человека в самых трудных условиях, сделать тот самый единственно правильный выбор.

«Диалог» является участником многих фестивалей: городских, областных, региональных, российских, за что имеет дипломы, а за программу «Театральный клуб как центр поддержки творчески одаренной молодежи» театру был вручен Губернаторский грант первой степени. «Диалог» в постоянном поиске своих пьес, тем, новых форм работы. В марте 2012 года в нашем городе открылся новый театр в Доме литераторов спектаклем по рассказам Валентина Распутина «Век живи – век люби». Этот спектакль стал совместным проектом театра «Диалог» и театра «Слово».

Бесменным организатором, руководителем и режиссером народного театра-клуба-студии является Валентина Семеновна Просекина. Свой опыт, сомнения, поиски, достижения и просчеты она изложила в книге «Без глянца», что, несомненно, ценно и будет интересно для ее коллег-режиссёров и участников театральных любительских коллективов.

2008 год. «Земля обетованная» сцена из документального спектакля, посвященного истории «Диалога»

2011 год. Олег Богаев «Марьино поле». Сцена из спектакля.

2011 год. Валентин Распутин «Век живи – Век люби» (Анна – Ирина Романова, Николай - Николай Мареев)

БЕЗ ГЛЯНЦА

Автор-составитель: В.С. Просекина

Редакционная коллегия: О.А. Михайлова, Г.М. Кородюк, С.В. Зубакова

Ответственные за выпуск: Л.Г. Ваховская, Г.М. Кородюк

Издано на средства от спектаклей народного театра-клуба-студии «Диалог»,
Иркутского областного Дома народного творчества,
Молодежного театрального движения под патронатом
Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова
и пожертвования актеров и почитателей «Диалога»

© Министерство культуры и архивов Иркутской области

© Государственное бюджетное учреждение культуры
«Иркутский областной Дом народного творчества», 2012